

NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№52/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.2

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 24 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China) and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>

CONTENT

EARTH SCIENCES

Tarko A.M.

NEW UNDERSTANDING OF BIOSPHERE STABILITY AND
GLOBAL WARMING3

JURISPRUDENCE

Seleznev A.

ADVISORY BODIES OF THE RUSSIAN FEDERAL BAR
ASSOCIATION8

Gabdrashitova V., Zagirova M., Lifanova M.

ABOUT EDUCATIONAL AND PREVENTIVE TASKS OF
PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES OF MINORS10

Ismayilzade V.

SOME ISSUES OF JUDICIAL PROTECTION OF PROPERTY
LAW (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF
AZERBAIJAN).....12

Komisarchuk R.

CRIMINALISTIC STRATEGY FOR FIGHT AGAINST CRIME
AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC TECHNOLOGY17

PEDAGOGICAL SCIENCES

Voskresenskaia L.

ANENT PHILOLOGICAL EDUCATION AT SECONDARY
SCHOOLS IN RUSSIA26

Kolesnikova E.

FUNCTIONING OF ASSOCIATIONS, AGENCIES,
COMPANIES FOR THE REALIZATION OF TUTORING: A
COMPARATIVE ASPECT OF INTERNATIONAL
EXPERIENCE.....28

Sakharova O.

PHYSICAL EDUCATION AS AN INTEGRAL PART OF
PRESCHOOLERS' PHYSICAL DEVELOPMENT31

PHARMACEUTICS

Iakovlieva L., Stefaniv I.

ANALYSIS OF DRUGS FOR THE TREATMENT OF
INFLAMMATORY DISEASES OF THE ORAL CAVITY IN
UKRAINE IN 2017-201935

PHILOLOGICAL SCIENCES

Susi M., Anggraeni Purnama D., Nany I.

RELATIONS OF PERSONAL NAME AND ETIQUETTE ...39

SOCIAL SCIENCES

Basina N., Oros I.

SPECIFICS OF FAMILIES AT RISK IN THE CONTEXT OF
AN INSTITUTIONAL CRISIS: A CONCEPTUAL
ANALYSIS47

EARTH SCIENCES

NEW UNDERSTANDING OF BIOSPHERE STABILITY AND GLOBAL WARMING

Tarko A.M.

*Chief Researcher of the Dorodnicyn Computing Centre of the Federal Research Center
«Computer Science and Control» of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of Mathematical Cybernetics*

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ БИОСФЕРЫ И ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

Тарко А.М.

*Главный научный сотрудник, Вычислительный центр им. А.А. Дородницына РАН,
Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН,
Доктор физико-математических наук, профессор математической кибернетики*
DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-3-7](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-3-7)

Abstract

A new understanding of the stability of the biosphere is given. The implementation of the Le Chatelier principle in a biosphere subject to global warming is investigated. Based on the analysis of industrial carbon dioxide releases per capita, the possibility of implementing the Paris climate agreement 2015 is performed.

Аннотация

Дано новое понимание устойчивости биосферы. Исследовано выполнение принципа Ле-Шателье в биосфере, подверженной глобальному потеплению. На основе анализа промышленных выбросов двуокиси углерода на душу оценена возможность реализации Парижского климатического соглашения 2015 года.

Keywords: Modeling the global carbon cycle, biosphere, global warming, bifurcation stability, Paris climate agreement

Ключевые слова: Моделирование глобального цикла углерода, биосфера, глобальное потепление, бифуркационная устойчивость, Парижское климатическое соглашение.

Введение

В течение истории человечество использовало ресурсы биосферы, во-первых, «по потребностям» – стараясь в наибольшей степени удовлетворить свои потребности в повышении уровня жизни, а во-вторых – «по способностям» – использование ресурсов на любой степени развития цивилизации было ограничено лишь техническими и экономическими возможностями. Со временем технологическая мощность увеличивалась, и воздействие на природу приобрело сначала региональный, а теперь – глобальный масштаб. Нанесение вреда природе и, тем самым человеку, было осознано и сформулировано в давние времена. Однако в глобальном плане емкость биосферы долгое время считалась бесконечной, и поэтому старались лишь локально «уменьшить» воздействие на природу: применяли, по возможности, неразрушающие методы. Сейчас понимание проведения политики природопользования полностью изменилось, практика сохранения биосферы как единой системы, ограничение и уменьшение антропогенных воздействий человека на нее стало насущной задачей человечества. Целью данной статьи является новый анализ понятия устойчивость современной биосферы и исследование возможности затормозить развитие наиболее разрушающего ее фактора – глобального потепления.

Нарушение биосферы в современную эпоху

Борьба с сильными нарушениями биосферы

обычно начинается, когда региональное или глобальное воздействие угрожает не только биосфере, но и человечеству. Здесь одним ярких явлений стало загрязнение атмосферы, связанное с кислотными дождями. Сжигание ископаемых органических топлив (каменный уголь, нефть) приводило с 20-х годов XX века к тому, что продукты сгорания топлив – сера и азот увеличились настолько, что к пятидесятым и шестидесятым годам в Европе и Северной Америке стали погибать целые массивы лесов. При этом погибла масса животных, погибли многие озера, у людей серьезно участились болезни органов дыхания и другие. Довольно быстро пришлось и осознание угрозы происходящего. Только после этого стали предпринимать действенные серьезные меры.

При этом важным этапом, объединившим разработку и совершенствование высоких технологий с восстановлением природы в развитых странах, стали 70-е годы, годы энергетического кризиса. В это время в развитом мире проблемы рационального природопользования и сохранения окружающей среды стали одними из первостепенных. Достижение достойного и высокого уровня жизни человека стало подразумевать возможность жить в среде с чистым воздухом, чистой водой, находиться на природе, не изуродованной урбанизацией.

К концу 70-х годов прошлого века было принято жесткое законодательство по сохранению природной среды, коренным образом пересмотрены

нормы воздействия на нее, перестроены и разработаны новые технологии в экономике, в том числе предусматривающие минимизацию производства загрязнений на единицу продукции.

Постепенно были достигнуты большие успехи в ликвидации опасных и наиболее распространенных причин, воздействующих на здоровье людей и природу, – уменьшены загрязнения воздушной и водной среды. Если раньше в странах Западной Европы и Северной Америки от кислотных дождей в сухое, жаркое лето погибали крупные массивы лесов, то после мер, принятых в 1980-х и 1990-е годы, это явление практически исчезло. Ранее сильно загрязненные Великие озера на американском континенте и почти погибшие озера в Скандинавии ожили, вода, растения и запасы рыбы в них пришли в норму.

К 1990-м годам в развитых странах были приняты меры по восстановлению локальных и региональных параметров среды – значительно сокращены промышленные выбросы, выделяющиеся при сжигании каменного угля, нефти, природного газа и продуктов из них – соединений азота и серы, являющихся главным компонентом кислотных дождей. Кроме того, удалось добиться значительного сокращения выбросов тяжелых металлов при производстве стали и других металлов.

Следующим, еще более серьезным этапом, стало сохранение природы в глобальном масштабе. Были приняты меры по уменьшению озонового слоя атмосферы (Монреальский протокол 1987 г. по веществам, разрушающим озоновый слой, к Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г.). Также для сокращения выбросов парниковых газов, в первую очередь, двуокиси углерода была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г., а к ней Киотский протокол 1997 г. В дополнение к этим серьезным мерам в 1992 г. была также принята Конвенция ООН о биологическом разнообразии. Наконец, в связи со слабыми результатами выполнения условий Киотского протокола в 2015 г. было принято Парижское соглашение, призванное на новом идейном уровне решить проблему глобального потепления. 2020 год был назначен годом начала полномасштабного начала его выполнения.

Здесь стоит отметить, что каждый раз решения о сохранении биосферы складывались в связи с появлением серьезной проблемы. К важным результатам можно отнести то, что правительства стран стали намного больше выделять средств на научные исследования свойств биосферы – постепенно была разработана мощная сеть измерений параметров биосферы и климата. К настоящему моменту измерения в развитых странах проводятся как в космосе (к этому относятся международная станция МКС, несколько сетей спутников, регистрирующих природные явления), сети самолетных измерений, корабельных и наземных. Многочисленные международные организации решают важные научные задачи в изучении биосферы.

Следует сказать, что будущее состояние био-

сферы вызывает серьезную тревогу и требует переосмысливания понятия устойчивости биосферы, принятое в научном мире. Это обстоятельство было понято руководством развитых стран, особенно важными оказались существующие прогнозы влияния глобального потепления на биосферу и жизнь населения стран. Одним из проявлений этого стали разговоры в Евросоюзе о необходимости приема «климатических беженцев» в Европе со всего мира в связи с растущими негативными факторами действия глобального потепления.

Моделирование глобального цикла углерода в биосфере. Устойчивость современной биосферы и принцип Ле-Шателье

Важным показателем и инструментом в изучении биосферы является глобальный биогеохимический цикл углерода. Он имеет особое значение при анализе глобальных процессов биосферы. Углерод характеризует протекание экологических процессов на суше и в океане. Являясь главной частью живого и мертвого органического вещества, он служит индикатором процессов в биосфере. С другой стороны, углерод, находясь в атмосфере в основном в виде двуокиси углерода и метана определяет парниковый эффект и, следовательно, климат Земли.

За последние годы в рамках международных и российских программ сделано много новых измерений, проведено и обобщено много измерений о протекании процессов в биосфере. К этому получили широкое развитие математические методы анализа сложных динамических систем, значительно мощней стали компьютеры и языки программирования на ЭВМ. Таким образом, идет качественно новый этап в изучении свойств биосферы.

Так, анализ математической модели глобального цикла углерода в биосфере [6] показал, что модель имеет единственное положение равновесия типа обобщенный устойчивый узел. Важным является не классическое исследование ее устойчивости, но новая ее трактовка в виде обобщенного принципа Ле-Шателье. Этот принцип в классическом виде формулируется следующим образом: внешнее воздействие, выводящее систему из равновесия, стимулирует в ней процессы, стремящиеся ослабить результаты этого воздействия [4]. В статистической физике этот принцип рассматривается для термодинамически замкнутой системы, находящейся в равновесии.

Однако биосфера или любая ее часть в смысле статистической физики не является замкнутой системой и, тем более, равновесной. Поэтому не приходится говорить о необходимости выполнения принципа Ле-Шателье в указанном выше смысле. Использование в науке о биосфере принципа Ле-Шателье [4, 5] оказывается полезным не в качестве «правил», а свойства, выполнение или невыполнение которого характеризует способность биосферы ослаблять или усиливать воздействия на нее. Важность этого свойства биосферы становится особенно понятной в современную эпоху, когда глобальные и крупные региональные нарушения биосферы вызывают множественные как

отрицательные, так и положительные последствия. При этом – не только для биосферы, но и для человека. По-видимому, в настоящий период принцип Ле-Шателье становится практически наиболее важным для анализа последствий многочисленных последствий экономической деятельности, причем, не только заранее предполагавшихся, но и непреднамеренных последствий.

Бифуркационная устойчивость биосферы

Н.Н. Моисеев разработал гипотезу о возможности непреднамеренного перехода биосферы в результате неконтролируемых антропогенных воздействий в значительно деградировавшее состояние, в котором человек не сможет выжить [1]. Однако теперь появились основания утверждения о значительно большей устойчивости биосферы.

Рассмотрим климатические и экологические пути деградации биосферы при воздействиях, связанных с промышленной и сельскохозяйственной деятельностью, в том числе с выбросами загрязняющих, вырубкой лесов и эрозией почв.

Для утверждения о переходе климата в недопустимый для человека режим необходимо или получить, что климат может сильно измениться в связи со значительным антропогенным воздействием на биосферу, или показать, что существует бифуркационная область параметров, в которой такой переход возможен с минимальным участием человека. Рассмотрим последствия антропогенных выбросов CO_2 в атмосферу, которые, наиболее вероятно, вызывают глобальное потепление. Расчеты на модели глобального цикла углерода и последующий анализ с учетом мнения экспертов показали, что антропогенные выбросы CO_2 не могут стать причиной сильного нарушения климата и последующей деградации биосферы.

Отметим, что нас интересуют процессы на временных отрезках 200-300 лет. Поэтому мы не рассматриваем естественные изменения климата с характерным временем больше 500-1000 лет, поскольку, такие процессы не могут сколько-нибудь заметно проявиться на интересующих нас временах.

Наличие бифуркационной области параметров в математическом выражении означает, что при одних и тех же внешних условиях в модели существует два или больше положений равновесия. Такой результат получен В.П. Пархоменко [3] в рамках трехмерной глобальной модели общей циркуляции атмосферы и океана. В модели для современных климатических условий существует два положения равновесия – одно соответствует современному климату, другое – почти замерзшей Земле. Расчеты показывают, что переход в новое положение равновесия требует значительных изменений параметров среды, которые превышают современные возможности человечества. Из этого следует, что в рамках моделей климата существует единственное устойчивое состояние современной биосферы, соответствующее функционирующей мировой экономике и моделирование климата и связанных с этим экологических процессов не

показывают возможности перехода биосферы в состояние непригодное для жизни человека.

Другое воздействие в биосфере – загрязнения. Как уже говорилось, сейчас в развитых странах удалось добиться приемлемых уровней загрязнений по большинству показателей. Если гипотетически рассмотреть загрязнения в развивающихся странах, увеличивающиеся в несколько раз больше их современных значений, то мы увидим, что, по крайней мере, для территории стран Северной Америки и Европы такие загрязнения не смогут привести к катастрофе. Это связано с тем, что в атмосфере преобладают направления ветров с запада на восток, а территории этих регионов с запада имеют огромные океаны, пересекая которые, большая часть атмосферных загрязнений от других стран сможет пройти только значительно уменьшенной. Расчеты показывают, что при этом пришедшие туда загрязнения будут значительно ослаблены и не смогут привести к катастрофам. Следовательно, ожидать глобальной катастрофы в случае мировых загрязнений не приходится.

Если мы рассмотрим происходящее в мире уменьшение видового разнообразия, то, как показывает анализ современных данных, здесь преобладают региональные эффекты, мы не можем ожидать его значительного уменьшения, по крайней мере, в регионах Северной Америки и Европы.

Анализ проблем в океане и в пресноводных системах показывает возможность сильного нарушения биоты в ряде регионов, но ни при каких обстоятельствах не выявляются глобальные эффекты.

Таким образом, современная наука показывает, что глобальная устойчивость биосферы сохраняется при влиянии экономической деятельности человека. Это расширяет понятие экологического императива, разработанное Н.Н. Моисеевым. Возможны «микроразрушения» в отдельных ее частях, но они не смогут перерасти в глобальную гибель биосферы. Возможность значительного разрушения биосферы и гибели человека была ранее предсказана как результат крупномасштабной ядерной войны – «Ядерная зима» [8].

Парижское климатическое соглашение 2015 года

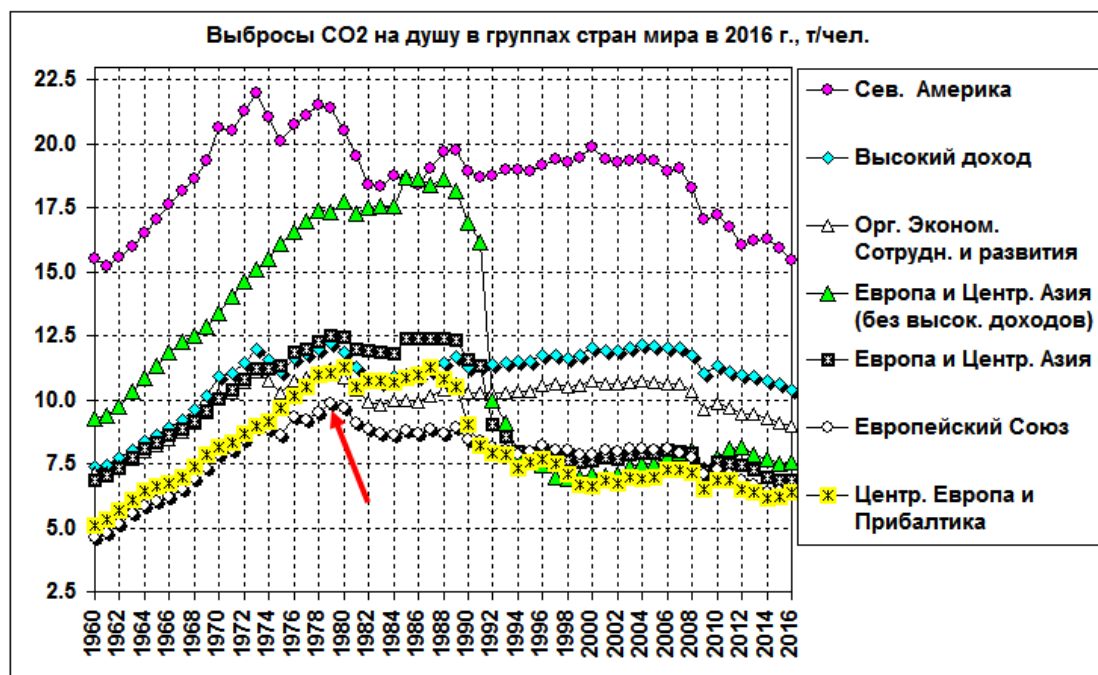
Парижское климатическое соглашение 2015 года [2] в 2020 г. должно прийти на смену Киотскому протоколу 1997 г. В нем выдвинута новая амбициозная цель – стабилизация температуры атмосферы и, тем самым прекращение развития глобального потепления. Достичь это предполагается за счет большого сокращения промышленных выбросов двуокиси углерода перехода на низкоуглеродную экономику и альтернативные источники энергии. Вместо прежнего установления количественных ограничений на общее количество выбросов главного парникового газа – CO_2 , выдвинут другой критерий – все страны вместе должны добиться к концу этого века устойчивого достижения средней глобальной температуры атмосферы на 2°C превышающей ее доиндустриальное значение (а еще лучше, на $1,5^\circ\text{C}$). Предполагается, что температура сначала достигнет значения, несколько

превышающего эту величину, а затем опустится до указанного предела. Каждая страна может выбрать свой путь уменьшения промышленных выбросов CO₂, сокращения вырубки лесов и земледелия, приводящего к эрозии почв. Одновременно все страны должны развивать и переходить на использование альтернативных источников энергии.

Автор данной статьи год назад заключил, что выполнение условий сокращения промышленных выбросов CO₂ невозможно [9]. Главная причина – в документе нет реального подхода к прогнозированию экономического роста развивающихся стран. На современном уровне развития невозможно сокращение выбросов CO₂ большинством развивающихся стран. Снижение выбросов CO₂ в развивающихся странах возможно только, если страна, во-первых, выполняет высокотехнологичное развитие, во вторых, если она при этом снижает не только выбросы парниковых газов, но и обычных загрязнений [7]. За время выполнения странами условий Киотского протокола именно отсутствие высокотехнологичного развития [10] в большинстве развивающихся стран не позволило им на базе существующих у них технологий добиться необходимого снижения использования ископаемых топлив для обеспечения промышленности энергией для разви-

тия экономики. Именно высокотехнологичное развитие позволило достичь уменьшения использования ископаемых топлив в развитых странах. Простое снижение использования ископаемых топлив способно лишь привести развивающуюся страну к экономическому спаду и еще большему снижению уровня жизни. Развитие высоких технологий невозможно производить «в одну сторону» – история знает много примеров неудачных попыток развивать только один сектор экономики.

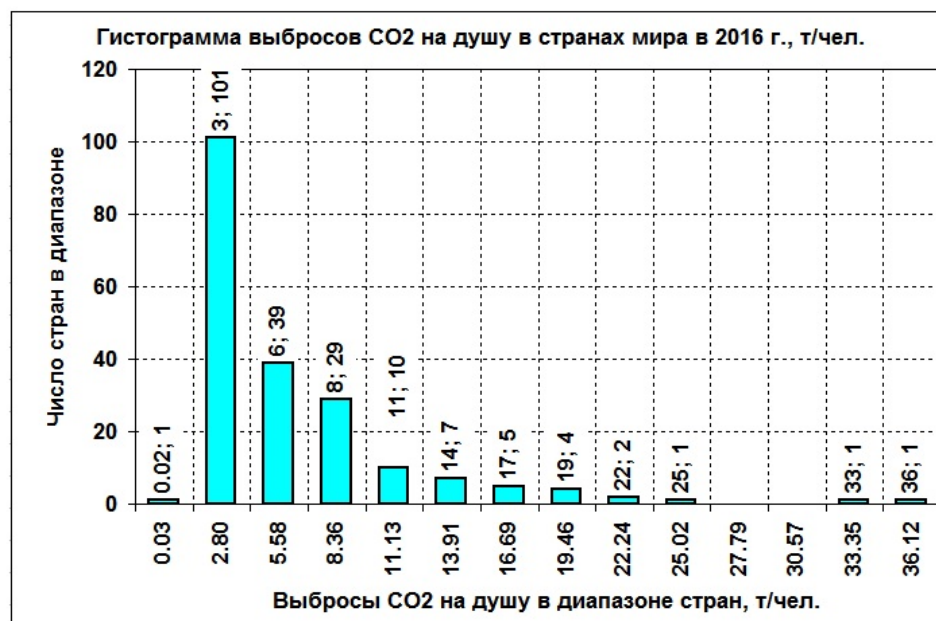
Приведем дополнительные количественные аргументы в подтверждение того, что развивающиеся страны не готовы не готовы к сокращению своих выбросов CO₂. На рис.1 представлена динамика кривых выбросов CO₂ на душу населения в в группах стран, в которых уже началось уменьшение выбросов CO₂ в атмосферу. Мы видим, что в разных группах стран это происходило в разные годы. В разных странах спад выбросов CO₂ начинается по-разному, но можно предположить, что он его наступление зависит от технологического уровня страны, а этот уровень будем считать зависящим от количества CO₂ на душу населения. Мы выберем наименьшее значение CO₂ из имеющихся. Согласно рис. 1 это было достигнуто в Евросоюзе в 1979 г. и его величина была 10 т С/чел.

Выбросы CO₂ на душу населения нескольких групп стран мира в течение 1960-2016 гг [11]. Стрелка показывает, что минимальное значение начала спада выбросов равно 10 т С/чел. (Евросоюз)

Построим гистограмму числа стран с выбросами CO₂ на душу населения в странах мира. Мы видим, что самый высокий столбик показывает, что в 101 стране выбросы CO₂ на душу лежат в диапазоне 3 т С/чел. Очевидно, столь маленькая величина выбросов на душу – 3 т С/чел. не может не означать, что 101 страна находится далеко от возможности

сокращать свои выбросы. Столбик вправо показывает – 39 стран имеют выбросы CO₂ на душу в диапазоне 6 т/чел. Величина выбросов на душу почти в 2 раза меньше, чем у выявленного нами Евросоюза. Следовательно, еще 39 стран, очевидно не готовы к сокращению и, можно не сомневаться, находятся далеко от этой возможности.

Гистограмма выбросов CO₂ на душу населения в странах мира. В подписях у столбиков указаны два значения: значение CO₂ на душу в данном диапазоне значений и число стран, попавших в него.

Таким образом, не следует ожидать от 140 стран сокращения выбросов CO₂. Далее – 41 страна имеет выбросы на душу больше 10 т С/чел. Это дает реальную надежду на сокращение у них выбросов CO₂. Однако это не то, что указано в планах Соглашения. В большинстве таких стран уже происходит сокращение выбросов.

Указанное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что Парижское климатическое соглашение 2015 года, по сути, документ о намерениях. Только развитые страны способны участвовать в нем. Его главный недостаток это неверный учет путей экономического развития развивающихся стран и отсутствие комплексного подхода к их развитию.

Здесь следует отметить, что глобально потепление ни в каком случае не приведет к потере устойчивости биосферы в классическом математическом выражении. В данной статье проводится идея, что устойчивость биосферы следует понимать в другом смысле – как ее способность ослаблять антропогенные воздействия. Именно это свойство проявляет биосфера в этом случае – экосистемы суши и океан по данным измерений поглощают половину промышленных выбросов CO₂ в атмосферу.

Также следует сказать, глобальное потепление является весьма сильным и серьезным воздействием для человечества, как при выполнении, так и при невыполнении Парижского соглашения. Однако не следует рассматривать это как катастрофу планеты – CO₂, как и любой парниковый газ, имеет насыщение, и оно не позволит температуре Земли бесконечно расти. В любом случае ископаемые источники углеводов ограничены и до насыщения не дойдет.

Заключение

В заключение отметим, что глобальное потепление помимо изменения климата вызвало много других воздействий – повлияло экономические

процессы, изменило и изменяет природные системы всей Земли, заметно влияет на здоровье населения планеты. Автор считает, что это воздействие таково, что на многие годы человек должен не только стремиться уменьшить потепление, но и перестраиваться для нового образа жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М. Изд-во МГВЛ КОКС. 1995. — 376 с.
2. Парижское соглашение. FCCC/CP/2015/L.9 <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/109r.pdf> (дата обращения: 20.07.2020)
3. Пархоменко В.П. Верификация климатической модели. // М.: ВЦ АН СССР. - 1988. - 34 с.
4. Тарко А.М. Глобальная роль системы атмосфера - растения - почва в компенсации воздействий на биосферу. Доклады АН СССР, 1977, т. 237, № 1, с. 234-237.
5. Тарко А.М. Устойчивость биосферных процессов и принцип Ле-Шателье. // Доклады Академии наук, 1995, т. 343, №3, стр. 393-395.
6. Тарко А.М. Антропогенные изменения глобальных биосферных процессов. Математическое моделирование. — М: Физматлит. 2005.-232с.
7. Тарко А.М. О настоящем и будущем России и мира. — Тула. Изд-во Промпилот.—2016.—196с.
8. Тарко А.М. Моделирование последствий ядерной войны как стратегический фактор сдерживания потенциальных агрессоров. // Стратегические приоритеты. № 4 (16), Москва, 2017 с. 34-51.
9. Тарко А.М. Моделирование глобального цикла двуокиси углерода и Парижское климатическое соглашение. // Norwegian Journal of development of the International Science. - № 36. V. 1. — 2019, p., 14-24.
10. Эксперт. — 2010. — № 1 (Специальный выпуск).
11. World Bank Open Data. World Development Indicators - <https://data-bank.worldbank.org/data/home.aspx> (дата обращения: 11.10.2020)

JURISPRUDENCE

ADVISORY BODIES OF THE RUSSIAN FEDERAL BAR ASSOCIATION

Seleznev A.

*Senior lecture of the Department of Criminal Law and Procedure,
FSBEI of Higher Education "Russian State University for the Humanities"*

DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-8-9](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-8-9)

Abstract

The article describes the structure, legal basis, and operation of the advisory bodies in the Russian Federal Bar Association. Recommendations are given concerning the adoption of regulation on Community Advisory Board, and its structure.

Keywords: Federal Bar Association, Community Advisory Board, Scientific Advisory Board.

The Russian Federal Bar Association is an all-Russian non-governmental non-profit organization based on the obligatory membership of regional bar chambers, created to safeguard the corporate interests of the bar community.

In its activity, the RFBA relies on compliance with the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation", the Federal Law "On Non-Profit Organizations", and the Charter of the Russian Federal Bar Association (approved by the 1st All-Russian Congress of Advocates on January 31, 2003 (protocol No. 1)).

According to Article 27 of the FBC Charter [1], the Association consists of the following bodies:

- the All-Russian Congress of Advocates;
- the Association Council;
- the President of the Association;
- the Ethics and Standards Committee of the Association (the Ethics and Standards Committee);
- the Audit Committee.

According to Chapter 6 (Art. 40.1 – 43) of the RFBA Charter [1], the Association may also incorporate other committees and working bodies.

Currently, RFBA consists of the following bodies:

- the FBC Council (33 members);
- the President;
- the Vice-residents (10);
- the FBC Official Secretary – Deputy FBC President for government relations;
- the FBC Ethics and Standards Committee;
- the Audit Committee; and
- the Bar Protection Committee.

The FBC also incorporates Community Advisory Board (Article 40.1, RFBA Charter) and Scientific Advisory Board (Article 40, RFBA Charter) operating as FBC's advisory bodies.

The Community Advisory Board (CAB) was formed in 2017 to discuss the matters of (and to develop directions for) RFBA's relations with government agencies and civil society institutions [2]. Any persons of high authority and generally recognized legal qualifications – such as lawyers, civil servants, legal scholars, and others – can become CAB members. The Community Advisory Board is elected by the FBC Council at the suggestion of the FBC President for the term of four years. Operating procedures of the Community Advisory Board are defined in the FBC Charter and

Regulation on the Community Advisory Board (to be approved by FBC Council). However, such Regulation is yet to be adopted and approved by RFBA Council and, therefore, Article 40.1 of the RFBA Charter is currently the only document regulating the CAB's operation.

The CAB of RFBA is headed by two co-chairs. Besides representatives of the bar community, the CAB is composed of the State Duma deputies, members of the Federation Council, officials of the Presidential Legal Directorate, government agents, members of the Presidential Council for Civil Society and Human Rights, representatives of the Russian Bar Association, the Guild of Russian Lawyers, and other organizations [3].

The Scientific Advisory Board (SAB) is a community advisory body under the Russian Federal Bar Association whose main purpose is to work out science-based recommendations on the management and activities of the Bar and to provide it with regulatory, organizational and methodological support.

The SAB's mission is to assist the bar community in fulfilling its tasks under the Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation".

The SAB of RFBA acts on the basis of the Regulation "On the Scientific Advisory Board of the Russian Federal Bar Association of September 6, 2005" approved by resolution of the RFBA Council (Protocol No. 3) [4].

The tasks of the SAB are to:

- develop science-based recommendations on the management and activities of the Bar;
- provide the regulatory, organizational and methodological support of the Bar's activities and management.

For this purpose, the SAB performs the following functions:

- forecasts long-term and current needs of the Bar in terms of regulatory support;

- discusses pending issues in the development of Russian legislation and analyzes its practical application;

- reviews the programs, initiatives, draft federal laws, and other regulations related to the Bar and advocacy;

- discusses and prepares proposals concerning the adoption, amendment, supplementation or cancellation

of legislative and other regulatory acts related to the Bar and advocacy;

participates in the assessment of draft federal laws related to advocacy;

develops recommendations concerning the application of legislative and other regulatory acts, etc.

The Scientific Advisory Board has the identities of its members approved by the RFBA Council at the suggestion of its President, and is composed of:

the Chairman of the SAB – The President of the FBC (to manage the operations of the SAB; to approve the work plan and agenda of the SAB plenary meeting; to instruct the Deputies and the Executive Secretary, to present the proposals to the Board members; to preside over the Board's plenary meetings; to make provisions for implementation of the SAB recommendations and conclusions and to inform the SAB members on FBC's decisions concerning these recommendations and conclusions);

the Vice-Chairmen of the SAB (to manage SAB's operation as directed by the Chairman, to guide its activity in the absence of the Chairman);

the Executive Secretary (to arrange the operation of the SAB and its sections, interaction between the SAB members, to follow up the SAB's plans and decisions, to prepare draft work plans, to provide organizational, logistical, and informative support for the meetings of the SAB and its sections);

the SAB members.

Members of the SAB can be:

legal scholars having exposure to legislative, executive, and judicial authorities, as well as to the law enforcement agencies;

other legal scholars who have proven themselves in scientific research;

teachers of law from institutions of higher education;

employees of law research organizations;

representatives of non-governmental advocacy, legal and human rights organizations;

advocates with a science degree, academic title, or who have contributed significantly to the development of the Bar and advocacy.

Operating within the SAB of RFBA are the sections of:

- constitutional and administrative law;
- criminal law and criminal proceedings;
- civil law, civil and arbitration proceedings;
- advocacy, human rights activities.

Section leaders and their deputies are recommended by the SAB Chairman at the plenary meeting. The task of a section leader is to arrange discussions and provide expert assistance in addressing the most pressing issues in the appropriate field.

Members of the SAB may form working groups, present for consideration the matters of current interest that fall in the SAB's competence, submit their dissenting opinions on matters of fundamental importance to the management of the Federal Bar Association.

Decisions are made by a majority vote of the SAB members present at the plenary meeting and are of advisory nature.

The SAB's proposals and conclusions are reviewed by the Council of the Federal Bar Association who then makes provisions concerning their implementation. If necessary, these proposals and conclusions may be sent for consideration or application to the regional bar chambers of the Russian Federation, as well as to the relevant legislative, executive and judicial authorities, or to the Ministry of Justice of the Russian Federation.

In general, these advisory bodies play an essential role in interaction with government authorities and civil society institutions, as well as in the development and assessment of the regulations related to the advocacy and protection of the rights and interests of the bar community.

We also consider it necessary for an unimpaired operation of the RFBA Community Advisory Board to draft up the relevant Regulation "On the Community Advisory Board of the Russian Federal Bar Association".

Our recommendation is to have the co-chairs replaced with the posts of Chairman and First Deputy Chairman which, in our opinion, will prevent certain conflicts in decision-making, as well as to establish the posts of Deputy Chairman for Government Relations and Deputy Chairman for Relations with Civil Society Institutions. It is also proposed to establish the post of the CAB Secretary whose functions will include arranging the Board's operation.

REFERENCES:

1. Устав Федеральной палаты адвокатов РФ от 31 января 2003 года, утверждён I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года, протокол № 1. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-charter-of-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation/> (дата обращения 17.12.2020).
2. Небесспорный законопроект. Проект федерального закона о внесении изменений в процессуальное законодательство обсуждён Общественно-консультативным советом ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/nebesspornyy-zakonoproekt/> (дата обращения 17.12.2020);
3. Взаимное влияние. Начал работу Общественно-консультативный совет ФПА РФ – орган, призванный укрепить позиции российской адвокатуры. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/vzaimnoe-vliyaniye/> (дата обращения 17.12.2020);
4. Положение о Научно-консультативном совете при Федеральной палате адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-situation-on-scientific-and-advisory-council-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-fe/> (дата обращения 17.12.2020).

УДК 343.13: 343.139

ABOUT EDUCATIONAL AND PREVENTIVE TASKS OF PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES OF MINORS**Gabdrashitova V.***Senior lecturer of the chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the FBSEI HE Bashkir State University, Ufa, Russia***Zagirova M.***Senior lecturer of the chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the FBSEI HE Bashkir State University, Ufa, Russia***Lifanova M.***Assistant professor of the chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the FBSEI HE Bashkir State University, Ufa, Russia***О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ И ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ЗАДАЧАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ****Габдрашитова В.Р.,***старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия***Загирова М.С.,***старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия***Лифанова М.В.***доцент кафедры уголовного права и процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия*DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-10-12](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-10-12)**Abstract**

The article raises questions of educational and preventive tasks of the proceedings in criminal cases of minors.

Аннотация

В статье поднимаются вопросы воспитательной и предупредительной задач производства по уголовным делам несовершеннолетних.

Keywords: educational and preventive tasks of criminal proceedings.

Ключевые слова: воспитательные и предупредительные задачи производства по уголовным делам.

Производство по уголовному делу проходит несколько стадий. В.М. Бозров отмечает, что стадийный характер является одной из существенных особенностей уголовно-процессуальной деятельности [1]. Каждая стадия уголовного судопроизводства имеет свое предназначение и выполняет отведенную ей процессуальным законом роль, а также собственные цели и задачи.

В процессе производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних достижение воспитательной и предупредительной задач имеет особое значение для каждой стадии уголовного судопроизводства. На целесообразность осуществления деятельности по предупреждению преступности среди несовершеннолетних указывается во многих международных актах. Так, в соответствии с положениями Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) от 14 декабря 1990 г., следует признать необходимость и важность осуществления прогрессивной политики предупреждения преступности среди несовершеннолетних [2]. В Рекомендации Комитета Министров Совета Европы №R (2003) 20 от 24 сентября 2003 г. «Относительно новых способов работы с

преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних» сказано, что основными целями правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних должны быть предотвращение преступности и повторного совершения преступлений [3].

В научной литературе выделяют несколько уровней профилактики преступлений: общесоциальный, включающий в себя комплекс общих, неспециальных мер, непосредственно не направленных на выявление причин и условий преступлений; специальный, сориентированный непосредственно на причины и условия совершения преступлений, который делится на два вида: общая профилактика, направленная на микросреду преступного поведения, и индивидуальная профилактика, объектом которой является личность человека, от которого можно ожидать совершения преступлений [4].

Некоторые авторы справедливо полагают, что профилактическая функция уголовного судопроизводства проявляется как на общесоциальном уровне, так и специальном, отмечая при этом, что понятия профилактика и предупреждение преступности являются однопорядковыми терминами, используемыми, в основном, как синонимы [5].

3.3. Зинатуллин пишет: «Уголовно-процессуальный закон уже сам по себе выступает в роли весьма важного предупредительного средства, воспитателя. Но не менее значимую роль в этом деле имеет правоприменительная деятельность правоохранительных органов, конкретных дознавателей, следователей, прокуроров и судей. Веления закона претворяются в жизнь через правоприменение, через активную деятельность правоприменителей. Чем содержательнее и целеустремленнее такая активность, тем эффективнее становится предупредительно-воспитательная деятельность» [6].

Как справедливо отмечает 3.3. Зинатуллин, к предупредительно-воспитательной деятельности прямое отношение имеют нормы уголовно-процессуального закона, подчеркивающие особенности производства по делам несовершеннолетних [7]. Для того чтобы раскрыть сущность воспитательного значения производства по делам несовершеннолетних, необходимо обратиться к содержанию указанного понятия. Семантически слово «воспитание» означает то же, что и «воспитать» и определяется как «1. Вырастить ребенка, воздействуя на духовное и физическое развитие, дав образование, обучив правилам поведения. 2. Путем систематического воздействия, влияния сформировать (характер, навыки). 3. Привить, внушить что-нибудь кому-нибудь», а также «Навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни» [8].

Воспитание представляет собой один из процессов социализации индивида в любом обществе. В этих процессах индивид осознает целесообразность определенных нравственных норм и отвергает их или включает в систему ценностей [9].

В свете сказанного считаем необходимым обратиться к содержанию понятия «нравственность». Семантически понятие «нравственность» определяется как «Внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [10], при этом «этика» означает «1. Философское учение о морали, ее развитии, принципах, нормах и роли в обществе. 2. Совокупность норм поведения, мораль какой-нибудь общественной группы» [11], а понятие «мораль» определяется как «1. Нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность. 2. Логический, поучительный вывод из чего-нибудь. 3. Нравоучение, наставление» [12].

Суд (судья), следователь, а также иные участники в процессе производства по уголовным делам оказывают предупредительно-воспитательное воздействие на несовершеннолетнего не только путем строгого соблюдения материальных и процессуальных норм, но и нравственного воздействия на личность подростка. Определенную роль в предупредительной деятельности играют частное определение или постановление суда, выносимое в соответствии с ч.4 ст.29 УПК РФ и представление следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, выносимое в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

Следует заметить, что вынесение указанных определений, постановлений и представлений – это право, а не обязанность указанных должностных лиц. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» сказано, что судам следует по каждому делу устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению несовершеннолетними преступления, не оставлять без реагирования установленные в судебном заседании недостатки и упущения в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учебных заведений и общественных организаций, выносить частные определения (постановления) с указанием конкретных обстоятельств [13]. Поэтому, на наш взгляд, следует закрепить в законе обязанность суда выносить частные определения или постановления в случае выявления указанных нарушений, а также обязанность дознавателя, руководителя следственного органа, следователя в случае, когда в ходе досудебного производства по уголовному делу установлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, внесения в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

Установление в процессе предварительного расследования или судебного рассмотрения дела о преступлении несовершеннолетнего нарушений закона, и реагирование судом и органами предварительного расследования на правонарушения вынесением частных определений или постановлений либо представлений будут способствовать осуществлению профилактической функции и претворению в жизнь требований международных правовых документов.

В заключение хотелось отметить, что А.А. Тарасов совершенно справедливо отмечает, что довольно часто родители несовершеннолетнего подсудимого желают, с одной стороны, чтобы их ребенок, пусть он и действительно виновен, не пострадал бы слишком сурово, но, с другой стороны, чтобы суд и все, что с ним связано, остались бы для него уроком на всю жизнь [14].

Подводя итог сказанному, мы пришли к выводу о том, что выполнение воспитательной и предупредительной задач в процессе производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних будет способствовать не только достижению целей уголовного судопроизводства, но и решению более глобальных задач – победе в борьбе за подростка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бозров В.М. Процессуальные, криминалистические и психологические аспекты судебного следствия. Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1991. С. 10.
2. Международные акты о правах человека. Сборник документов/ Сост. д.ю.н., проф. В.А. Карташкин, д.ю.н., проф. Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп.

М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М), 2002. С. 285-286.

3. Международные акты по вопросам уголовного судопроизводства: Хрестоматия. В 3-х томах. Том III. Документы Совета Европы / Сост. Еникеев З.Д., Васильева Е.Г., Ежова Е.В., Аширова Л.М., Шагеева Р.М. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 263.

4. Старков О.В. Предупреждение преступлений: Учеб. пособие. М.: Юристъ, 2005. С. 12-13.

5. См., например: Ежова Е.В. Проблемы раскрытия преступлений в современной России: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 80, 82-83.

6. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальные функции: Монография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 83.

7. См. об этом: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальные функции: Монография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 83.

8. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 тысяч слов и фразеологических выражений/ Российская АН.; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. С. 95.

9. Аширова Л.М. Справедливость – нравственный принцип воспитания студентов-юристов

// Нравственные основы правоохранительной деятельности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 15 декабря 2009 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. С. 66.

10. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. С. 414.

11. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. С. 901.

12. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. С. 357.

13. Рос.газета. 2011. 11 февраля.

14. Тарасов А.А. Единичное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Издание второе. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG, 2011. С. 202.

SOME ISSUES OF JUDICIAL PROTECTION OF PROPERTY LAW (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN)

Ismayilzade V.

Bachelor of Law (LL.B), Baku State University, Azerbaijan

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Исмаил-заде В.Х.

Бакалавр права, Юридический факультет, Бакинский Государственный университет, Азербайджан

DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-12-16](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-12-16)

Abstract

The problem of judicial protection of property law, being part of the protection of fundamental human rights and freedoms, is a universal problem. Among other forms of protection law, judicial protection is the most extensive and detailed regulated. This article examines the grounds and measures for the protection of property law, analyzes some theoretical, legal and practical problems of judicial protection of these rights, and also pays attention to the issues of improving the structure and activities of the judiciary in the Republic of Azerbaijan in order to effectively implement their functions to protect civil rights generally.

Аннотация

Проблема судебной защиты прав собственности, будучи частью защиты основных прав и свобод человека относится к числу универсальных. Среди других форм защиты прав судебная защита является наиболее развернутой и детально урегулированной. В этой статье рассматриваются основания и меры защиты прав собственности, проводится анализ некоторых теоретико-правовых и практических проблем судебной защиты этих прав, а также уделяется внимание на вопросы усовершенствования структуры и деятельности судебных органов в Азербайджанской республике с целью эффективного осуществления их функций по защите гражданских прав в целом.

Keywords: property law, judicial protection, the suit, the Civil Code, the owner, limitation of actions, commercial courts, mediation institute.

Ключевые слова: право собственности, судебная защита, иск, Гражданский Кодекс, собственник, сроки исковой давности, коммерческие суды, институт медиации.

Защита права собственности является составной частью защиты гражданских прав в целом. Данный вопрос подробно урегулирован в законодательстве многих стран, в том числе и Азербайджанской Республики. В юридической литературе также было уделено пристальное внимание исследованию и анализу проблемных вопросов этого института.

После 70-летнего господства советской социалистической правовой системы в Азербайджане вновь были установлены различные формы прав собственности, в том числе и право частной собственности. Так, в соответствии с ч.2. ст.4. Закона «О собственности в Азербайджанской Республики» от 9 ноября 1991 года, «собственность в Азербайджанской Республике выступает в форме государственной, коллективной, частной собственности. В пределах, определенных законодательством Азербайджанской Республики, допускается объединение имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц Азербайджанской Республики и других государств, с образованием на этой основе смешанной формы собственности. Вид смешанной собственности определяется статусом владельцев, объединяющих свои средства» [14]. В этом же законе указано, что защита прав собственности осуществляется судом, арбитражным или третейским судами (ч.4 ст.22). При этом право на судебную защиту предоставляется не только собственникам, но также и лицу, хотя и не являющемуся собственником, но владеющему имуществом на праве полного хозяйственного ведения, оперативного управления, пожизненно наследуемого владения либо по иному основанию, предусмотренному законом или договором. Это лицо имеет право на защиту его владения против собственника.

В Конституционном Акте о государственной независимости все виды собственности, в том числе частная и коллективная собственность признаются и гарантируются законом, который определяет способы их приобретения и пользования ими и границы их действия. Как указывается в ст.22 этого Акта «частная и коллективная собственность не могут быть принудительно отчуждены» [2, №219]. Только в предусмотренных законом случаях частная и коллективная собственность могут быть отчуждаемы в интересах Азербайджанской Республики при условиях возмещения убытков.

Конституция Азербайджанской Республики 1995 года гласит, что «никто без решения суда не может быть лишен своей собственности. Полная конфискация имущества не допускается. Отчуждение собственности для государственных нужд может допускаться только при условии предварительного справедливого возмещения его стоимости» (ч.4 ст.29). В соответствии со ст.60 Конституции АР, «гарантируется защита прав и свобод каждого в суде. Каждый может обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) государственных органов, политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений и должностных лиц» [1,92 с.]. Кроме того, в содержании ст.71 Конституции АР прямо указано, что «соблю-

дать и защищать права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции, является обязанностью органов законодательной, исполнительной и судебной властей... Споры, связанные с нарушением прав и свобод человека и гражданина, разрешаются судами» [1].

Право собственности как правовая категория есть предельно абсолютное, «идеальное» вещное право, в нем в наиболее полной мере воплощается природа вещных прав. В объективном смысле право собственности представляет собой совокупность правовых норм, закрепляющих, регламентирующих и охраняющих принадлежность имущества определенным лицам, а в субъективном смысле это есть право одного или нескольких лиц единолично или совместно владеть, пользоваться, распоряжаться принадлежащим ему (или им) имуществом.

Для обеспечения достаточной свободы создания определенных условий для возникновения права собственности, а также обеспечения владения, пользование и распоряжение собственностью необходимым условием является постоянное укрепление механизмов судебной защиты данного права. Как утверждал В.П.Грибанов, «субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь декларативным правом» [5, с.173].

По мнению Д.И. Дедова, судебная защита права собственности должна совершенствоваться на законодательном уровне с эффективным использованием правоприменительной практики. Впоследствии данный тезис он развил в своих последующих работах, пояснив, что «указанную уверенность ему придают деятельность Европейского суда по правам человека и определившиеся правовые позиции... по таким понятиям, как «собственность», «право собственности», «право общей собственности» и «судебная защита права гражданина и человека» [6, с.3-4].

Необходимо отметить, что правовые нормы, охраняющие отношения собственности предусмотрены многими отраслями права. Так, конституционное право определяют общие принципы регулирования принадлежности и защиты права собственности; гражданское право устанавливает различные формы защиты прав собственников и более детально регламентирует вопросы ответственности при нарушении прав собственности; уголовное и административное право закрепляют ответственность за противоправное посягательство на чужое имущество; земельное и семейное право предусматривают особые отношения принадлежности материальных благ; трудовое право устанавливает материальную ответственность работников за причиненный работодателю имущественный вред и т.д.

Гражданский Кодекс Азербайджанской Республики подробно регулирует вопросы защиты прав собственности. Так, в ч.4 ст. 157 ГК АР указано, что «в случае совершения посягательства на собственность или создания иных препятствий без

получения или лишения вещи, собственник вправе потребовать от посягающего положить конец таким действиям. При продолжении таких действий собственник вправе потребовать их прекращения через суд» [10]. Можно сказать, что тем или иным образом почти все институты гражданского права содержат нормы, нацеленные на защиту прав собственника.

В юридической литературе обычно выделяются юрисдикционная и неюрисдикционная формы защиты права собственности [4, с.477]. В первой форме защита прав собственности осуществляется путем обращения в уполномоченные государственные органы в установленном законом порядке. Среди этих уполномоченных государственных органов особо отличается судебная форма защиты прав.

Судебная защита права собственности связана с принятием мер со стороны уполномоченного субъекта путем его обращения в суд. Эти меры направлены на предупреждение нарушения права собственности, либо пресечение его нарушения, либо восстановление нарушенного права собственности в предпринимательской деятельности. Вообще под судебной защитой права собственности предлагается понимать меры, предпринимаемые уполномоченным лицом путем обращения в суд (либо в общегражданский, либо коммерческий суд), направленные на предупреждение нарушения права собственности, пресечения его нарушения или восстановления нарушенного права собственности на объект гражданских прав, подлежащий охране в установленном законом порядке.

В основном выделяются три группы способов судебной защиты права собственности: вещно-правовые способы; обязательно-правовые способы; иски о защите вещных прав от неправомерных действий публичной власти. Вещно-правовые способы защиты права направлены непосредственно на защиту права собственности как абсолютного субъективного права, не связаны с какими-либо конкретными обязательствами и имеют целью либо восстановить владение, пользование и распоряжение собственником принадлежащей ему вещь, либо устранить препятствия или сомнения в осуществлении вышеуказанных правомочий.

К вещно-правовым искам относятся иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, иски об устранении нарушений, не соединенных с лишением владения, а также иски о признании права собственности. В данном случае речь идет о защите вещного права собственности, то есть о защите права владения и права пользования собственником имущества. Если нарушено право владения, когда вещь вышла из обладания собственника помимо его воли, то нарушено право собственности вообще, в целом. Нарушение права пользования, даже если право владения не нарушено, тоже делает право собственника неполноценным. Поэтому предусмотрены два иска - виндикационный и негаторный, - направленные на защиту права владения и права пользования.

К обязательно-правовым средствам защиты права собственности относятся: иск о возмещении причиненного собственнику вреда, иск о возврате неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, иск о возврате вещей, предоставленных в пользование по договору и т.д. Эти иски характеризуются тем, что составляющее их притязание вытекает не из права собственности как такового, а основывается на других правовых институтах и соответствующих этим институтам субъективных правах. Обязательно-правовые средства охраняют право собственности не прямо, а лишь, в конечном счете. Например, в случае гибели вещи и прекращения на нее права собственности, указанные способы направлены уже не на защиту права собственности, а на защиту имущественных интересов собственника. Или, например, в случае сдачи в аренду собственником принадлежащее ему имущество, от возврата которого по истечении срока договора арендатор уклоняется, права собственника будут защищаться нормами договорного права, а не нормами о праве собственности.

Необходимо отметить, что в отношении одной и той же вещи в зависимости от статуса истца и ответчика по отношению к вещи могут быть использованы как вещно-правовые, так и обязательно-правовые способы защиты. Так, в случае перехода вещи, являющейся объектом найма в незаконное владение к третьему лицу, в отношении незаконного владельца наймодателем будет использованы вещно-правовые средства защиты, тогда как в отношении нанимателя - организационно-правовые.

Наконец, к третьей группе судебной защиты права собственности относятся те из них, которые не охватываются вещно-правовыми и обязательно-правовыми средствами, но вытекают из различных институтов гражданского права. В качестве примера можно привести правила о защите имущественных прав собственника, признанного в установленном порядке безвестно отсутствующим или объявленного умершим, в случае его явки, о защите интересов сторон в случае признания сделки недействительной, об ответственности залогодержателя, за порчу или утрату имущества и т.д.

Законом также предусматривается возможность предъявления требований о защите права собственности к государственным и муниципальным органам. Например, в случае издания этими органами не соответствующего закону акта, нарушающего права собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом, собственник имеет право требовать признания по суду такого акта недействительным (ст.19 ГК АР). В результате такого требования судом признается акт недействительным, который последует собой возмещению причиненных убытков в полном объеме собственнику в результате принятия соответствующего акта, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере (ст.21 ГК АР).

Можно сказать, что судебная защита прав собственности распространяется также на лиц, хотя и не являющихся собственниками, но владеющими имуществом на основании других вещных прав, таких как, право оперативного управления, право хозяйственного ведения, либо по иным основаниям, установленным законом или договором. Современной теорией гражданского права и судебной практикой признаются еще и такие иски о защите права собственности, как иск об отмене административного ненормированного акта, нарушающего право собственности или иск о признании права собственности на вещь в случаях, если она ошибочно попало под арест или конфискацию имущества, и об исключении ее из описи имущества.

На практике чаще всего возникают споры относительно права общей собственности. Согласно ст.215.1 Гражданского кодекса АР «владение и пользование вещью, находящейся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия - в порядке, устанавливаемом судом» [12]. Например, в случае невыполнения одним из собственников в долевой собственности обязательств перед кредитором по поводу погашения долга в указанный в договоре срок, кредитор участника долевой или совместной собственности при недостаточности у собственника другого имущества, согласно ст.224 ГК АР, вправе предъявить требование о выделе доли должника в общей вещи для обращения на нее взыскания. Если в таких случаях выделение доли в натуре невозможно, либо против этого возражают остальные участники долевой или совместной собственности, кредитор вправе требовать продажи должником своей доли остальным участникам общей собственности по рыночной цене с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга. В случае отказа остальных участников общей собственности от приобретения доли должника кредитор вправе требовать по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов. Если доля должника в праве общей собственности является предметом ипотеки, то обращение взыскания на эту долю осуществляется в порядке, установленном Законом Азербайджанской Республики «Об ипотеке» [13].

При этом на практике может возникнуть ряд вопросов, на которые стоит обратить внимание. Одним из таких вопросов заключается в том, имеет ли право суд рассматривать исковое заявление, которое не содержит конкретного предполагаемого истцом варианта порядка пользования общим имуществом? Как нам представляется, в данном случае в соответствии со ст.152, 259 и 260 Гражданско-Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики [11] исковое заявление должно быть оставлено без движения, поскольку в нем неконкретно сформулированы требования истца, четко не выражено волеизъявление истца на предмет спора. Бывают ситуации, когда один из собственников или другое лицо пытается продать долю другого собственника без его ведома, но тот не зная об этом все

еще продолжает сохранять владение (совладение) над спорной вещью, то данная сделка должна быть с точки зрения закона недействительным. Но, с другой стороны, существуют сроки исковой давности и не ведая об этом собственник, долю которого продали может пропустить этот срок. Поэтому важно чтобы в законодательном порядке был бы закреплен порядок, исключаящий для подобных дел сроков исковой давности.

Необходимо отметить, что судебная защита может осуществляться эффективным образом лишь в случае, если истцом заявлено требование, удовлетворение которого восстановит его нарушенные права. Между способом защиты и нарушением права должна быть взаимосвязь. Они вместе должны образовать систему, один элемент которой согласован с другим. Но, зачастую на практике возникают трудности с определением способа защиты права. В случае выбора неверного способа защиты суды должны отказать в иске. Вместе с тем, необходимо уточнить другого вопроса. Поскольку ограничить право лица на заявление любых требований не допустимо, то исключительно суд может определить вопроса относительно правильности выбранного истцом способа защиты. Например, в судебной практике довольно часто рассматриваются споры, в которых истцами заявляется требование о признании недействительным зарегистрированного права собственности. Коммерческие суды чаще всего отказывают в иске, ссылаясь на обстоятельство отсутствия такого способа защиты, как признание недействительным зарегистрированного права собственности.

В контексте эффективности судебной защиты права собственности, считаю необходимым рассмотреть вопрос об усовершенствовании структуры и деятельности самих судебных органов. Потому что граждане имеют право на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, закрепленное в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека. Это гарантируется и в ст. 26 Конституции Азербайджанской Республики, которая гласит: «Каждый обладает правом защищать не запрещенными законом способами и средствами свои права и свободы. Государство гарантирует защиту прав и свобод каждого». Статья 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Аналогичное право провозглашено во Всеобщей декларации прав человека (ст. 10), а также закреплено в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Все указанные международные акты ратифицированы Азербайджанской Республикой.

С момента провозглашения независимости Азербайджана (т.е. после восстановления государственной независимости республики в 1991 г.)

было принято немалое количество нормативно-правовых актов с целью усовершенствования судебной формы защиты прав, в том числе и права собственности. На основе соответствующих положений Конституции АР 1995 года были приняты законы Азербайджанской Республики «О судах и судьях» [16], «О Конституционном Суде» [17], «О Судебно-правовом совете» [3, №23; 18, ст.8], а также и другие вспомогательные правовые документы, такие, как Положение о Комитете по отбору судей, Правила отбора кандидатов на должности судей, Кодекс этического поведения судей, Инструкция о ведении делопроизводства в судах и т.д.

На основании закона Азербайджанской Республики «О медиации» от 29 марта 2019 года предусматривалось формирование альтернативных процедур урегулирования споров с участием модератора (посредника). Указом Президента Азербайджанской Республики «Об углублении реформ в судебно-правовой системе» от 3 апреля 2019 года были предусмотрены рекомендации Верховному Суду, Судебно-правовому Совету, Министерству Юстиции и другим структурам по усовершенствованию законодательства в этой сфере, повышению авторитета судебной власти и укрепления в обществе доверия к судам, изучению передового международного опыта, связанного с альтернативными механизмами исполнения решений судов, других органов и расширением средств внесудебного решения споров, связанных с предпринимательской деятельностью, созданию специализированного коммерческого суда, применению информационной системы «Электронный суд» для повышения доступности и прозрачности правосудия, увеличение общего количества судей в целях более оптимального построения деятельности судов и сокращения сроков рассмотрения дел в судах и т.д. В июле 2019 года было внесено изменение в Закон «О судах и судьях» касательно упразднения понятия административно-экономических судов и было предусмотрено сохранение административных и создание отдельных коммерческих судов[15].

В настоящее время в Азербайджанской Республике идет процесс дальнейшего реформирования судебной системы, определяются в этой сфере приоритетные направления, среди которых можно назвать усиление гарантий защиты прав граждан, повышение квалификации судей, обеспечение независимости суда как гарантии справедливого правосудия, усиление роли адвокатов в судебном процессе, обеспечение открытости и прозрачности судебных процедур, упрощение судопроизводства, обеспечение объективности, стабильности и исполнения судебных решений. С этой целью, по нашему

мнению необходимо с ускоренными темпами осуществлять целенаправленные работы по приведению законодательства Республики в соответствие с международными принципами и стандартами, и тем самым укрепить судебную власть, как гаранта защиты прав и свобод граждан, в том числе права защиты собственности.

REFERENCES:

1. Конституция Азербайджанской Республики (с изменениями и дополнениями в 2002, 2009, 2016 гг.). Баку: "Hüquq uayın evi", 2018, 92 с.
2. Конституционный Акт Азербайджанской Республики «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики» (18 октября 1991). Газета «Халг», 7 ноября 1991 г., № 219.
3. Газета «Азербайджан». 1 февраля 2005 года, № 23.
4. Гражданское право: Учеб. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2005. Т. 1. 765 с.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. - М.: «Статут», 2000. 411 с.
6. Дедов Д.И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М.: Юрист, 2003. 276 с.
7. Исмаилов Х.Дж. Организация и деятельность судебных органов в Азербайджане в XIX веке. М.: «Высшая школа», 2003, 188 с.
8. Ismayilov Kh.J. History of Law of Azerbaijan. Baku: "Science and Education", 2015, 572 p. (in Azerbaijani).
9. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М.2007. С. 158.
10. http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420111#pos=2861;-41.
11. http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420065#pos=6;-150.
12. http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420111#pos=3163;-14
13. http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420111#pos=3221;-45.
14. <http://faolex.fao.org/docs/texts/aze47759r.doc>.
15. <http://interfax.az/view/772877>.
16. <https://www.legal-tools.org/doc/e1ab39/pdf/>
17. https://www.legislationonline.org/download/id/6995/file/Azerbaijan_law_on_constitutional_court_2003_am2013_ru.pdf.
18. Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 31 января 2005 г., №1, ст.8.

CRIMINALISTIC STRATEGY FOR FIGHT AGAINST CRIME AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC TECHNOLOGY

Komisarchuk R.

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Law, Faculty of
Management and Law, Vinnytsia National Agrarian University, Vinnytsia*

DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-17-25](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-17-25)

Abstract

The article identifies a separate element of the doctrine of criminalistic technology - a criminalistic strategy, on the basis of which it is possible to develop a set of scientifically based practical recommendations of improving the efficiency of providing forensic activity based on the technological paradigm.

Indeed, the methodological crisis of modern criminalistic science can be solved by moving to a new paradigm that can explain the emerging problems and determine the ways to solve them.

Accordingly, we need a thought-activity epistemology to solve problems that arise in criminalistic activity, as the doctrine of criminalistic knowledge, and its methodology - criminalistic technology, as the practice of cognition and the form of rationality of this knowledge in the fight against crime.

Keywords: general theory of forensic science, theory of forensic technology, technological paradigm, criminalistic policy, criminalistic strategy, strategy approach to crime prevention.

Statement of the problem. Criminalistic activity of law enforcement agencies is carried out in the form of application, observance, execution and use of the law by them for the fight against crime. But for the effective implementation of their tasks, a certain system is necessary, a kind of set of means, rules, principles, techniques, approaches and methods, mechanisms that are combined in one system education. Criminalistic technology should become such a systemic formation, which has developed in the process of accumulating forensic knowledge, forensic tools and their increasing use in the practice of combating crime [1, pp. 47-51].

From these positions, the main thing in criminalistic technology is what is directly in demand and used by practice, that is, criminalistic knowledge, methods, techniques and tools. Based on the essence of the general definition of technology, its sphere should include both the use and the formation of scientific and technological knowledge. At the same time, it should be not only about their development, but also about ensuring their implementation in the practice of law enforcement agencies.

Theoretical criminalistic knowledge should not be considered as a basis, but as a means, providing further solutions of applied problems in practice. Indeed, criminalistic knowledge ensures the development and improvement of the criminalistic arsenal of means of combating crime. Only under this condition of subject and technological orientation, criminalistic science can become a source of effective changes in the practice of detecting, investigating and preventing crimes. This requires a technological solution of practical forensic problems that arise in daily criminalistic activities. Therefore, criminalistics knowledge through methods, techniques and means currently acquires the status of fundamental knowledge, the direct use of which can purposefully change the content of practical activities for the detection, investigation and prevention of crimes.

Certain means, rules, methods and techniques for the implementation of criminalistic activities of law enforcement agencies are studied within the framework of

branch procedural science - criminal process, however, it only covers the jurisdictional way of carrying out law enforcement activities. In addition, within the framework of criminal procedural science, only those instrumental components of the technology of the application of law are concentrated, incl. courts, which are normatively regulated by law and this significantly limits the technological tools of criminal procedural search and cognitive activities of law enforcement bodies.

Criminalistic technology includes the knowledge of how and with the help of which forensic tools should be carried out to combat crime, and their adaptation to specific life circumstances and conditions, how specifically should be carried out forensic activities of law enforcement agencies to identify, investigate and prevent crimes, as well as produces a set of special scientific and technological knowledge about the creation and implementation of means of combating crime in practice, which becomes an object of research within the framework of the science of criminalistics science and can serve as a basis for the development of new knowledge by criminalistics science.

However, it should be noted that the data of sciences used in criminalistics technology are not used directly, but only after their transformation into specific technological knowledge, on the basis of which it is possible to accurately determine which specific criminalistic and technological means should be used in real criminal procedural search and cognitive activities of law enforcement bodies in order to achieve the desired result. The entirety of such kind of knowledge and the technical, tactical, methodological, strategic, political means, means of criminalistics security is the content of criminalistic technology [2, pp. 99-103]. Therefore, due to its specificity, criminalistic technology is a kind of cognitive practice that adapts the data of other sciences for its own purposes to fight against crime.

In our opinion, with the help of the concept of criminalistic technology it is possible to bring together fragmented and separate scientific and practical concepts devoted to certain issues of law enforcement activities, including the concepts of criminalistic strategy,

criminalistic policy, and criminalistic security [1, pp. 47-51].

The relevance of the research topic is confirmed by the degree of non-disclosure of the topic. Why do we turn to the concept of "criminalistic strategy"?

Criminalistic strategy as an element of forensic technology, is the ability of an educated and trained subject of criminalistic activity, equipped with modern tools and means for fighting against crime (both technical, tactical and methodological, etc.) to form new approaches to their use in the technology of combating crime, through the interaction of all forces to achieve the criminalistic-political goal [3, pp. 40-44]., which is expressed in coordination, tactics, operational measures, criminalistic thinking, forecasting, etc., that is, it includes the full range of organizational, managerial and political aspects of criminalistic activities.

Criminalistics includes a strategic image (model) of actions against crime in general and its certain forms – this is the concept of criminalistic technology, designed for the long term. After all, strategy is the process of managing forensic information in forensic activities (data; information; cognition, and so on).

We understand modern criminalistic activity as a technology that forms forensic tools, thus providing the subject area of the fight against crime. It is precisely because of this active nature of the internal aspect that forensic technology is not just a collection of various structural elements, but a self-developing system. This feature of forensic technology allows us to define it as an autonomous system, which, moving along its own dynamics through internal changes, immanently develops on its own basis - on criminalistic knowledge. Accordingly, this dualistic nature of forensic technology has a decisive influence on its internal content, which is reflected in its object and subject. Thus, if in its scientific (cognitive) aspect criminalistic technology is a science aimed at clarifying the essence of the phenomena of the surrounding world that fall within its sphere of influence, describing their structure, describing their functions, explaining the causes and mechanism of their origin and further development, in its practical (applied) aspect, it is aimed at the orderly, systematic application of scientific knowledge in the real criminal procedural activities of law enforcement bodies in the fight against crime. Accordingly, such dualism affects the nature of the impact of forensic technology on the object. Thus, on the one hand, it affects the object with the view of its practical transformation for the purposes of criminal procedural activity of law enforcement agencies, and on the other – to its knowledge for further improvement of criminalistic activity of law enforcement bodies. Therefore, the subject of the influence of criminalistics technology, both in the cognitive and in the transformative sense, is the forensic activity of law enforcement agencies in general, during the implementation of which the law is created and applied. Criminalistic technology acts here as a means of optimizing the transformation of forensic law.

This dualistic nature of forensic technology determines its goals and objectives. On the one hand, the purpose of forensic technology should be the providing law enforcement agencies with forensic tools to combat

crime, and on the other - gaining knowledge about the nature of tools, techniques, methods and rules of creation and their implementation in law enforcement agencies; adapting data from various sciences to fight against crime; development, on this basis, rules of conduct, standard algorithms, and patterns of behavior of subjects of law enforcement agencies to achieve their optimal desired legal result; systematization of law enforcement activities and to develop means of implementation within these templates, developing guidelines, recommendations, methodologies and other external forms of expression of criminalistic expertise in implementation of various types of criminal procedure law enforcement.

The specificity of the object of forensic technology is manifested in the fact that the goal, from an epistemological point of view, is to study the practice of applying forensic technology tools in specific legal situations to identify, investigate and prevent crimes in terms of its effectiveness and improvement that based on new knowledge.

Thus, modern criminology has as its subject forensic knowledge, which is formed through knowledge of the investigative aspect of criminal procedural search and cognitive activity of law enforcement agencies, as a specific logical and methodological procedure – criminalistic technology of combating crime.

Due to this property, criminalistics technology has the right to be called a self-sufficient, "autonomous" system, the essence of which is the unity and interaction of knowledge and cognitive, which transforms and regulates the influence of the subject on social relations that are subject to transformation, which are formed about the formation and implementation of forensic means of combating crime. In criminalistics technology the development and adaptation of knowledge of various sciences for a specific purpose is materialized - the creation and use of technical, tactical, methodological, strategic, political tools to develop on this basis algorithms of behavior of subjects of search and cognitive activity in order to obtain effective forensic tools to combat crime.

So, criminalistic technology is a system of scientific knowledge about the optimal interaction of legal and criminalistic tools reflected in criminalistic policy, security, strategy, technique, tactics, methods used in forensic activities of law enforcement agencies to combat crime.

If at the stage of registration of criminology it acted as "criminal technique", "the art of investigation", then at the present stage scientists include in its composition along with technology the widest possible instrumental set of theoretical, philosophical, tactical, psychological, methodological, strategic, political, logical and other elements, which are less related only to criminalistic activities, as it was during the birth of criminalistics. Such a significant expansion of the scope of Criminalistics content is due to the growing interest of scientists in the study of problems of criminal procedural activities of law enforcement bodies, which is manifested in the in-depth development of general theory and methodology of criminology, object and subject of criminalistic science, its subject composition,

content, forms, types. On this basis, in criminalistics, as a science, the focus should be on creating an orderly system of knowledge, tools, methods, techniques of criminal proceedings of law enforcement bodies to achieve legal goals and objectives in specific legal situations when performing legally significant actions in the fight against crime.

The most obvious result of this process is the quantitative increase of structural elements of criminology, which objectively creates the need for their effective systemic use, without which in the face of complicated social relations the subjects of evidence will not be able to properly pursue their interests, determine and implement their legal purpose in the fight against crime.

A direct consequence of this process of logical development of criminalistics technology is a scientific interest in criminalistic technologization as an education that can consolidate on a systematic basis disparate knowledge into "criminalistic" – about the means, rules, techniques, methods, methods of effective forensic activity of law enforcement agencies.

As we see, criminalistic strategy is one of the main elements and sources of criminalistic technology.

Research status. German criminologists were the first in the study of criminalistic strategy and its recognition as an independent section (element, part) of criminology [4, pp. 67-77].

Considering criminalistic strategy as an independent field of forensic activity, German forensic scientists discuss its relationship with "criminal policy", "crime control strategies", forensic tactics, etc., however, this knowledge is poorly implemented in post-Soviet forensics and is not studied by it.

One of the first Soviet criminologists who defined the "Criminalistic Strategy" in the structure of criminology was E.B. Polish [5, pp. 18-21]. The main idea of the scientist was to replace such a part of criminalistics science as "criminalistic methodology" with "criminalistic strategy" in order to clarify the system of forensic science, moving to the latter certain sections of forensic tactics (the doctrine of versions and planning, interaction of criminal investigators, scientific organization of the investigator) [6, pp. 23-24].

The solution to these problems, according to A.V. Dulov is possible through the formation of the section "Investigation Strategy" in the criminalistic system. Noting the connection of this section with the organization of the investigation and all that "characterizes the activities of the investigation", A.V. Dulov included such elements as: identifying the investigator's allies and the basis of interaction with him; studying general models and methods of investigating criminal cases; studying general recommendations for organizing the investigation process; studying counteraction processes and ways to prevent and eliminate them [7, p. 28].

M.P. Yablokov and A.Yu. Golovin came to the conclusion that the content of the criminalistic strategy, disclosed in the textbook edited by A.V. Dulova, is not clearly thought out [8, pp. 80]. In turn, M.P. Yablokov considered the concept of "criminalistic strategy" as an element of specific, group methods of investigation [9].

Zorin G.A. also highlights the concept of "criminalistic strategy", by which he understands "the distribution of priorities while checking versions and defining the boundaries of the stages within which the tactics of operations and individual investigative actions are planned"; "Formation of a system of goals, objectives and their distribution in accordance with one or another stage of the investigation"; "The art of leading the process of criminal investigation in general" [10, pp. 21]. In his opinion, "The strategy combines separate investigative actions, separate methods into a single structure" [10, pp. 37]. Zorin G.A. considers "strategy" and "tactics" as paired categories for the investigation of crimes.

Belkin R.S., having studied the content of forensic strategy A.V. Dulova and G.A. Zorina came to the conclusion that "it has no general criminalistic significance, it is eclectic in content, and the sphere of its practical use it is only one of the stages of the process of detection and investigation of crimes. In fact, this is an updated version of the forensic doctrine of investigation planning ... What is called a criminalistic strategy, in fact, is just a modern idea of the organization and planning of the investigation - it should be a major part of the forensic doctrine of investigation planning and may even have been reflected in the new title of this doctrine" [11, pp. 80].

Filippov A.G. reasonably notes that the elements that are proposed by Russian researchers for inclusion in the forensic strategy are related to the organizational aspects of crime investigation and should be included in an independent part of the criminalistics system called "Organization of detection and investigation of crimes" [12, pp. 132-133].

Baev O.Ya. and M.O. Baev are convinced that strategic problems should be studied in depth in criminalistics [13, pp. 18], but they study these problems in the so-called "strategy of criminal justice" [14, pp. 30-35], highlighting "strategy in criminal justice" and "strategy of individual professional participants" [13, pp. 12-13]. Accordingly, the strategy of all criminal proceedings is understood by them as "planning its implementation, means of protecting the rights and legitimate interests of persons and organizations affected by crimes, as well as protecting the individual from illegal and unfounded accusation, conviction, ensuring his rights and freedoms in the context of criminal proceedings" [13, pp. 13], whereas "the activity of any professional participant in criminal proceedings within the framework of the said strategy of criminal proceedings is predetermined by his procedural function in it, the purpose of its activity in criminal proceedings as a social and legal institution of the state in the procedural conditions established by it. In fact, it is the Criminal Procedure function that is the basis of the strategy of activity (and the activity itself as such) of a professional-its bearer" [14, pp. 14].

According to O.Ya. Baeva and M.O. Baev, in most works that examine the problems of strategies of individual participants in criminal proceedings, "really strategic problems, if not usually so often, are replaced by the study of other problems, especially tactics and methods of their activities depending on the stages and

stages of the criminal process and the type of crime investigated in it" [13, pp. 15]. "Strategy" Above "these problems, occupies a higher hierarchical place in the activities of any person who deals with it" [13, pp. 16]. According to these researchers, they have not had a final opinion on the problem of placing criminalistic strategy in the general system of forensics [13, pp. 16].

In relation to this study, the approach of Professor creates a particular interest A.A. Exarchopulo [15, pp. 108-112], who talks about the allocation of a "promising model" "Forensic strategy" (as the fifth section of forensics).

The scientist identifies in the section "Theoretical foundations of criminalistics" structural element "Organizational foundations of the fight against crime", in the section "criminalistic tactics" – "Investigative version", "criminalistic analysis of information about the crime", "Tactics based on scientific organization of labor", "Interaction of the investigator with other services in conducting investigative actions", "Planning of investigative actions", etc. It should be noted that all the above elements are of a technological nature. Moreover, the author refers to the issue of interaction and planning only tactic without taking into account their implementation in criminalistic methodology. The issues of overcoming and neutralizing opposition to the investigation are also limited by criminalistic tactics. However, it is impossible to solve the entire complex of problems that arise when countering an investigation with tactical recommendations alone. Contrary to the above, A. A. Exarchopulo repeatedly emphasized on "the connection of organizational issues of applying forensic recommendations of a technical, tactical and methodological nature" [15, pp. 101].

In part five "Forensic Strategy" the author includes a section "Management and organizational support of strategic measures to combat crime (bodies, powers, coordination, international relations, etc.)", which includes the following sections: "Organization and management of investigative, operational and other activities in the field of crime control (problems of specialization of investigative activities, etc.)"; "Regional features of the organization and coordination of interaction of investigative units with other services to combat crime"; "Management of investigative activities in the region. Management decisions: preparation and adoption"; "Organization of law enforcement services to prevent crime" [15, pp. 108-112].

Thus, AA The Exarchopulo unites different levels of organization of crime investigation. The fifth part, in addition to organizational issues that have a forensic focus, includes sections that are mainly managerial in nature, which goes beyond the subject of criminalistics study. Offering such a variant of improving the system of criminalistics, the author, however, admits that the organization of criminal investigations "could well be framed in an independent structural element of criminalistics on the rights of division" [15, pp. 101]. "For the system of domestic criminalistics, such proposals should really be classified as innovations, and not without reason" [15, pp. 100].

The idea of the objective existence of strategy in criminalistics and the study of its provisions in an independent section called "Forensic strategy" is not new. It was expressed by A.V. Dulov [16, pp. 27]., G. A. Zorin [17, pp. 4-6], and other scientists. A. Ya. Baev and M. A. Baev joined this scientific discussion, supporting the idea of "separating the doctrine of criminal justice strategy". At the same time, the authors rightly note that "not all scientists not only disagree with the need to separate criminalistics strategy into a separate section of this science, but, moreover, with the correctness of the use of this concept in criminalistics in its given meaning" [13, pp. 10].

Thus, Professor R. S. Belkin legitimately argued that the strategy does not have a general criminalistic content, but is "an updated version of the forensic doctrine of investigation planning using some modern terminology of system-structural analysis, theory of reflection and some other areas" [11, pp. 80].

In terms of content, the above section accumulates most of the issues that are organizational in nature. Professor A.G. Filippov also drew attention to circumstance, noting that "the criminalistics strategy largely coincides with the content of the organization of crime investigation" [18, pp. 37]. And this is logical, because any effective activity has its own organization. It may not be planned and then its impact on results is not so great. A conscious, purposeful organization is significantly reflected in the qualitative and quantitative indicators of crime investigation.

Thus, a structural and content analysis of existing approaches to the formation of the criminalistics system allows us to come to the conclusion that justifying various options for systematizing criminalistics, scientists are trying to find the best option for structuring both science and academic discipline. Numerous arguments expressed in this regard indicate the objective need to reform the system of criminalistics as a whole and its individual parts [19].

The disordered general structure of criminalistics inevitably leads to unresolved important, individual issues. Only this can explain that now there is a discussion among criminalists about the relationship between the teachings on the criminalistic version and the planning of the investigation, about the place in criminalistic of such individual theories and teachings as criminalistics situations, criminalistic operations, criminalistic combinations, overcoming the opposition to the investigation of crimes and others.

Back in 1994, V.A. Obratsov noted that criminalistics science "came close to a state characteristic of changing scientific paradigms" [20, pp. 5]. About paradigms in criminalistics spoke R.S. Belkin [11, pp. 32], A.E. Gughok [21, pp. 71-74], B.D. Korma [22, pp. 50-56], V.A. Obratsov [23, pp. 25-30], E.E. Centers [24, pp. 79-98] and many others. However, in fact, so far no change in scientific paradigms in criminology has taken place.

According to A.F. Lubina, "the theoretical and methodological backwardness of criminology does not allow to reach the current level of scientific criminal technology" [25, pp. 16]. We agree with this position,

but with clarification - "at the level of scientific forensic technology"!

In such conditions, criminologists are obliged to form criminalistics knowledge not on cumulativeism, but to move to practically oriented areas of knowledge, responding to changes in practice - turning it into "technology", for the development and formation of which, as part of legal technology, must move to broad discussions on the main issues of this science: new methods of investigation and formation of a general theory (paradigm), which requires forensic scientists to change their "criminalistic worldview" and "criminalistic thinking".

The new doctrine of criminalistic technology, which we propose as a paradigm, generated from a broad context formed by culture, philosophy, social, political, economic, etc. circumstances of the relevant historical epoch [26, pp. 42]. Because the doctrine of forensic technology is formed on the basis of different paradigms (anthropological, humanitarian, natural, technical, technological, etc.), which determines its polystructural / multiparadigm.

Thus, the question about what is the nature of criminology has long remained and continues to be one of the most controversial in the theory of domestic criminology [27, pp. 126].

In our opinion, criminology has a complex technological profile and by its nature serves as a conductor of relevant knowledge in law enforcement and is a basic science for all criminal law sciences.

Therefore, the nature of criminology is technological, which determines its system, which consists of the following elements:

- 1) General part:
 - Eistemological foundations of forensic technology;
 - Technological bases of forensic technology.
- 2) Special part:
 - Forensic ideology;
 - Forensic policy;
 - Forensic strategy;
 - Forensic technique;
 - Forensic tactics;
 - Forensic methodology;
 - Forensic monitoring;
 - Forensic security.

So, the purpose and objective of the article is to raise the question of the possibility of developing the concept of a forensic strategy as one of the means, as an element of the technology for combating crime (forensic technology) with its subsequent definition as a science, academic discipline, practice.

An essential element of criminalistic technology (hereinafter - CT) is criminalistic strategy (hereinafter - COP) or crime detection, investigation and prevention strategy, which is a kind of legal strategy in general.

Theoretical development of the problem of strategy is reflected in various fields of knowledge, including legal science. In the literature there are many works of foreign and domestic lawyers, philosophers, sociologists, economists and other experts in certain aspects of strategy as the most important tool for managing society.

Problems of legal strategy, as well as forensic strategy have not been studied by domestic scientists, the emphasis was mainly on long-term planning of development and improvement of legislation and law-making strategy [28; 29 pp. 51-58].

We believe that the main conceptual issues of forensic strategy should be determined through its elements that make up its content.

Thus, the content of forensic strategy should include: issues of long-term planning and forecasting, conceptual and long-term problems of crime prevention practice, as well as scientifically grounded principles.

In our opinion, forensic strategy, as a type of legal strategy should include: issues of long-term planning, forecasting, diagnostics, design of law enforcement agencies to combat crime, as well as the prevention of crimes; principles on which the technology of fight against crime is based; conceptual and long-term problems of its development related to the achievement of its main ultimate goals and objectives.

Consider the main components of this strategy.

A successful preventive strategy is impossible without predicting conflict behavior in the fight against crime, as well as the elements of the analyzed technology.

On this basis, in our opinion, the objects of forensic forecasting should be all the basic elements of forensic technology (subjects and objects, subject, participants in technology, specific search, investigative, operational, expert, preventive actions and operations, purpose, objectives and the result of forensic activities, means and methods of its implementation, etc.) and the crimes, methods and mechanism of their commission, concealment, etc.

In this case, the main, central object of forecasting are actually potential crimes (the fact of their occurrence and possible ways to achieve a normal state, trends in social relations, including the likelihood of crime as a result of the development of certain social relations under certain conditions under certain factors, the possible course of development of the legal conflict, the state of the conflict in the implementation of preventive measures, the possible consequences and results of conflicting legal activities both in the current trends and as a result of precautionary measures, etc.).

In view of the above, in our opinion, it should be noted that forecasting is an important stage of forensic strategy for detecting, investigating and preventing crimes and it should be developed within criminalistics forecasting, which examines the future state and trends of legal (state, legal system, etc.) and other social objects.

As for the issues of predicting legal conflict, they received a comprehensive general theoretical study due to the fundamental work of T.V. Khudoykina [30, pp. 274-312]. The author also developed a detailed scientific and methodological tools for legal conflict forecasting, proposed a general technology for predicting legal conflict.

Under the forecast of the legal conflict TV Khudoykina understands the establishment of a forecast (conclusion) of the probable occurrence of a conflicting legal relationship and confrontation based on a

special scientific study, which includes possible ways to achieve a normal state [30, pp. 279-280].

Research in the field of legal forecasting and conflict forecasting, including legal, has been conducted by other scholars [31, pp. 353].

In the literature there are two types of forecasting, which are two successive stages of forecasting - experimental and regulatory [30, pp. 277]. They are also called exploratory and normative forecasting [32, pp. 358].

Research (search) forecasting is the identification of prospects for the development of social relations based on the analysis of existing trends. The ultimate goal of such forecasting is to identify the fact of possible confrontation while maintaining existing trends. Regulatory (normative) forecasting is "forecasting on the contrary": it consists in forecasting possible ways to achieve the desired state of public relations in the legal sphere based on pre-established goals, norms, ideals.

Legal conflict forecasting must first include research (search) forecasting, and then, based on the latter, regulatory (regulatory) forecasting.

Forecasting is based on developed mathematical and statistical tools, information technology, scientifically developed and substantiated methods: diagnosis, extrapolation, analysis of causal relationships, expert methods, modeling, experiment, etc.

In the practice of forecasting legal conflicts, it is important not only to create scientifically sound forecasts, but also to turn these forecasts into a source of new information that can be used in practical preventive activities. However, to turn the forecast into a source of such information, it must be subjected to a special study, which includes a procedure for comparing different options, choosing the best option, checking the results, adjusting the forecast, etc.

Prediction of legal conflicts is closely linked and interacted with conflict monitoring, the objectives of which are effective analysis of various legal and social conflicts, making a fairly accurate diagnosis, making predictions of the most likely options and forms of their development, developing effective measures to influence on the process of their prevention, passage and solution [33, pp. 5-6; 34, pp. 69-81].

This type of research allows you to quickly assess the nature and direction of the processes taking place and changes in the legal field, to take adequate regulatory preventive decisions and measures, to predict and model the development of the analyzed object. Thus, during the period of validity of the new code of criminal procedure, a group of its developers conducted appropriate monitoring, which led to numerous amendments to the code, which helped prevent the emergence and development of various legal conflicts.

Of course, as we gain legal experience in the field of legal conflict prevention, including in the field of their forecasting, it will be possible to talk about the practice of preventing legal conflicts, and, consequently, the practice of forecasting and monitoring the latter [35, pp. 98-104].

As the next component of the forensic strategy of detection, investigation and prevention of crimes, we propose to consider the design of prevention activities

in general, as well as elements of the studied technology in particular.

Designing preventive activities as an element of preventive strategy is a kind of social design.

In the literature, social design is understood as one of the components of purposeful activity associated with the development of various options for solving new social problems, and, in contrast to planning, allows for a variety of solutions based on available intellectual, material and other resources [36, pp. 32].

The connection between the design of preventive activities and the forecasting of crimes is that the latter does not include all elements of design, because, determining the future state of public relations in the legal field and possible ways to prevent potential crimes, it does not set itself the task of their implementation.

Legal forecasting only prepares the basis on which, using design, you can make certain plans to resolve social and legal contradictions and confrontations.

To design preventive activity means to define on the basis of the corresponding forecasts variants and schemes of use of the general, special legal and technical means, future preventive actions and operations, ways and methods of their realization, etc., considering conditions which are necessary for their introduction in legal practice.

The design of such actions is closely connected with the preparation of draft law enforcement and law-making acts in the field of crime prevention and others. Thus, in connection with the significant weakening of preventive work, the lack of its regulatory, organizational and resource provision and, as a consequence, the intensification of the criminogenic situation and the growth of crime in the country as a whole, scientists and law enforcement bodies have prepared laws in the field of prevention and crime prevention as the most acute forms of legal conflicts [37, pp. 38-48].

The result of the design is a project, a preliminary "decision" made by the subjects at this stage, which includes the purpose and objectives, possible options for preventive actions and operations, timing, means and main stages of implementation of the planned actions. It is intended to reflect the future desired state of public relations, which arises as a result of certain actions and operations to prevent crime, in the presence of certain financial, labor, intellectual, heuristic and other resources.

The design is based on scientifically developed and substantiated methods: analogies, associations, matrices of ideas, synectics, etc.

Crime prevention design is a link between crime forecasting and prevention planning in terms of the means to achieve the intended goals.

The next important component of the forensic strategy of detection, investigation and prevention of crimes is the long-term (strategic) planning of preventive activities, which, unlike its design, is always strictly designed for a certain period of time.

It consists in the development of the most optimal version of the draft plan (program) of crime prevention, which (plan) would include specific goals, preventive measures, responsible executors, deadlines, means,

methods, techniques, resources, etc. In contrast to crime prevention programs, crime prevention programs should include, in our view, the achievement of such goals as the improvement of law-making, information-analytical activities, the full and consistent application of a new law or a new legal norm, and so on. Strategic planning of crime prevention should be associated with planning the economic, social, political, cultural development of society and the state [38].

The peculiarity of strategic (sometimes in the literature it is called long-term) [36, pp. 138] planning is to compile the desired picture of the state of legal relations in the long run and the development of ways and means to achieve this state. There is a position in the literature according to which long-term and strategic planning do not coincide in the scope of concepts and differ in the interpretation of the future [39, pp. 50-51]. However, given the specifics of planning as a stage of crime prevention strategy, we propose to use the concepts of "strategic planning" and "long-term planning" as equivalent.

One of the main categories of planning is the concept of "information array", which is presented as a system of scientifically defined parameters, factors that comprehensively characterize the object of planning. Among the many sources of creating an "information array" - materials of sociological research, interviews, analysis of periodicals, statistics, etc. Crime prevention planning should be based on scientifically grounded methods. Among the methods of planning are normative, analytical, method of options, complex, problem-based, social experiment, modeling, multifactor analysis, game theory and others.

Planning of preventive activity is possible at different levels: at the level of the state as a whole, at the level of the region, at the level of communal, territorial formations, at the level of organizations and enterprises regardless of ownership, etc.

Central to the prevention strategy are scientifically grounded principles. The word "principle" translated from Latin (*principium*) literally means the basis, the guiding idea, the starting point of any phenomenon (doctrine, organization, activity, etc.). Any principles determine the general direction of influence in a particular sphere of life [40, pp. 5].

Therefore, under the principles of forensic technology, we propose to understand the original regulatory guidelines (imperative requirements), which determine the general direction and content of this technology in solving specific socio-legal problems.

All principles of positive law should be taken into account and applied in preventive activities: initial principles that reflect the nature of individual legal institutions; interinstitutional regulations; principles of branches and subbranches of law; intersectoral and general principles of law for each national legal system; principles of international law and generally accepted principles of law, as well as general scientific principles: clarity, validity, effectiveness, reliability, economy, timeliness, professionalism, etc.

In our opinion, special attention should be paid to the principles of legality, democracy, social justice and

humanism, legal equality, differentiation and individualization, publicity, professionalism, competence, scientific validity, unity and responsibility, continuity of preventive activities, etc.

Crime prevention should be carried out in strict accordance with the law, the competence of the subjects and participants of technology, the separation of powers between the state, regions and territorial entities. Measures to influence high-risk groups and individuals may be applied only if there is sufficient data to determine, in accordance with the law, the grounds for preventive influence on such persons.

Democratic principles of crime prevention are manifested in broad participation in prevention activities of both public and religious associations and the population as a whole, in the inclusion in the system of preventive activities of measures to develop a solidary position of public opinion, in the legislature and local government, as well as the meeting of citizens to monitor preventive activities by obtaining information about its appropriate assessment and making demands to improve preventive activities and eliminate violations.

At the same time, despite of the fact that by virtue of the principle of democracy laws must express the will and interests of the vast majority of society, rule-making in modern Ukraine sometimes shows the opposite, often not warning but provoking additional legal conflicts.

The principle of humanism in legal regulation is expressed in the fact that man, his rights and freedoms are recognized as the highest social value in society and the state (Article 3 of the Constitution) [41]. In the light of this principle, crime prevention activities are particularly clear, which should serve as a reliable means of protecting life, health, honor and dignity of people. "There is nothing more specific that would prevent conflicts and would not be associated with the establishment of the principles of humanism and the democratic foundations of normal human coexistence." Further development of the content of the principle of humanism in the studied technology should be manifested, in our opinion, in strengthening the protection of victims of crimes and other offenses, in setting real objectives for the correction of convicts, in better selection of objects of legal protection and others.

The essence of the principle of publicity is expressed, on the one hand, in the fact that the preventive activities of the competent authorities should be open and accessible to citizens, on the other - that all government bodies, local governments and officials are obliged to provide citizens (their teams and organizations) at the request of the latter complete and accurate information about their activities, except for data, the issuance of which is prohibited by law (Article 129 of the Constitutions) [41].

Complexity in crime prevention activities is manifested in the program-targeted approach, comprehensive analysis and forecasting of the situation and the use on this basis of measures of economic, managerial, political, educational, legal and other nature. Complexity also involves the coordination of the subjects and participants of technology, the development of standard

models of preventive technology, in order to ensure the interaction of efforts of all its subjects and participants.

Scientific validity as a principle of technology involves ensuring compliance with the objectives and means of preventive activities of the social situation and its trends, as well as the basic values of society, the existing opportunities for staffing, resources and the level of legal regulation; the state order for scientific developments in the field of crime prevention, carried out on the basis of the forecast of development of a situation and the account of needs of practice; creation of organizational base for experimental verification of scientific developments and their support in the process of implementation; creation of a modern information base that provides monitoring of the situation, its forecast in comparison with the state of preventive activities; the use of modern methods for assessing the effectiveness of prevention technology based on the identification of correlations and substantive links between decisions taken and implemented for the prevention of crime and changes in their quantitative and qualitative characteristics.

Conclusions. It should be noted that the principles of law enshrined in the Constitution and current legislation, on which forensic technology is based, are currently mostly declarative in nature, as there are no economic, political, organizational, legal and other guarantees for their implementation. Preventive activity must be based on the real possibilities of its implementation, otherwise its declarative nature will contribute to the growth of social tensions and destructive legal conflicts. The crime prevention strategy should be an organic part of the entire policy in society: both the state and the policy of various non-state structures and civil society institutions.

Only then it is possible to form a forensic strategy, which through knowledge, ability of a certified and trained subject of forensic activity, equipped with modern tools and means of combating crime (both technical, tactical and methodological, etc.) will allow to introduce new approaches to their use, in the appropriate technology to combat crime, the interaction of all forces to achieve criminalistics policy, which is expressed in coordination, tactics, operational measures, criminalistic thinking, forecasting, etc., ie, includes the full range of organizational, managerial and political aspects of forensic activities.

Hence, criminalistic technology includes a strategic image (model) of action against crime in general and its specific forms - this is the concept of criminalistic technology, designed for the long term. After all, strategy is a process of management of the criminalistic information in criminalistic activity.

Such a concept will contribute to a deeper and more comprehensive study of the entire set of technological provisions, ensuring the integration and differentiation of criminalistics knowledge, as well as a systematic, comprehensive study of interrelated and interdependent scientific knowledge aimed at improving the effectiveness of criminalistics activities for the crime detection, investigation and prevention.

REFERENCES:

1. Комісарчук Р.В. Криміналістика – технологія боротьби з преступністю (криміналістичська технологія). In: Legea și Viața. 2018, nr. 8/2(320), pp. 47-51. ISSN 1810-309X.
2. Комісарчук Р.В. Предпосылки формирования учения о криминалистической технологии. In: Legea și Viața. 2018, nr. 5/2(317), pp. 99-103. ISSN 1810-309X.
3. Комісарчук Р.В. Предпосылки формирования концепции криминалистической политики в Украине. In: Legea și Viața. 2019, nr. 7/2(331), pp. 40-44. ISSN 1810-309X.
4. Сокол В.Ю. Криминалистическая стратегия в России и Германии // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2010. № 2. С. 67-77.
5. Палькис Э.Б. О криминалистической стратегии (к постановке вопроса) [Текст] / Э.Б. Палькис // Использование современных достижений науки и техники в деятельности следственных органов и судов в борьбе с преступностью. – Вильнюс, 1981. – С. 18–21.
6. Malevski H. Kriminalist ie strategija, strategija kriminalist ikoje ar kriminalisties politikos strategija? // Kriminalistika ir teismo ekspertize mokslas, studijos, praktika IX: moksliniu straipsniu rinkinys. II dalis. Vilnius, Charkovas, 2013. S. 23–24.
7. Криминалістика: Учеб. Пособие / А.В. Дулов, Г.И. Грамович, А.В. Лапин и др.; Под ред. А.В. Дулова. – Мн.: ИП "Экоперспектива", 1998. – 415 с.
8. Яблоков Н.П. Криминалістика: природа, система, методологічні основи : монографія / Н. П. Яблоков, А. Ю. Головин. - 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2017. - 288 с. - Текст : электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/205354> (дата обращения: 25.12.2020). – Режим доступа: по подписке.
9. Яблоков Н.П. О некоторых проблемах разработки криминалистической методики расследования // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 3 (15). С. 18-22.
10. Криминалістическая методология / Г. А. Зорин. - Минск : Амалфея, 2000. - 607 с.; 20 см. - (Фундаментальная криминалістика XXI века); ISBN 985-441-070-6 (Фундаментальная криминалістика XXI века) Криминалістика – Российская Федерация – Методы криминалистики FB 2P 13/263-2
11. Белкин Р. С. Криминалістика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные проблемы российской криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : Норма, 2001. – 240 с.
12. Филиппов А.Г. О криминалистической стратегии как самостоятельном разделе науки криминалистики // Криминалістика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика / Под общ. ред. С.П. Кушнirenко. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2012.
13. Баев О.Я., Баев М.О. О конечных целях деятельности участников уголовного судопроизводства и стратегиях их достижения (к проблеме криминалистической стратегии) // Криминалість першопечатний. 2012. № 4. С. 12-18.

14. Баев О.Я. К проблеме формирования криминалистической стратегии // Актуальні проблеми кримінального права, та кримінології, кримінально-виконавчого права: Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції «Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики», присвяченої 10-річчю Міжнародного гуманітарного університету (м. Одеса, 28 жовтня 2011 року). Одеса: Фенікс, 2011. С. 30–35.
15. Эксархопуло А.А. Предмет и система криминалистики: проблемы развития на рубеже XX–XXI веков / А.А. Эксархопуло. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. — 112 с.
16. Криминалистика / под ред. А.В. Дулова. — Мн.: Экоперспектива, 1996. — 415 с.
17. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Зорин Г.А. - Гродно, 1991. - 533 с.
18. Филиппов А.Г. Система криминалистики и «криминалистическая стратегия» // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М., 2012. Ч. 1. С. 35-38.
19. Ackermann R. Einführung in die Kriminalistik // Ackermann R., Clages H., Roll H. Handbuch der Kriminaltaktik für Praxis und Ausbildung. 3 Aufl. Stuttgart, Drezden: Boorberg, 2007; Nahere Informationen zur DGfK in Grundung. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kriminalistik.info/> (дата обращения: 23.12.2020).
20. Образцов В.А. Криминалистика: учебное пособие. М.: Юрикон, 1994. 208 с.
21. Гучок А.Е. Понятие и структура парадигмы криминалистики // Веснік БДУ. Сер. 3. 2010. № 2. С. 71–74.
22. Корма В.Д., Образцов В.А. Парадигма криминалистики: от Ганса Гросса до наших дней // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Межд. научн.-практ. конф., приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 50-56.
23. Корма В.Д., Образцов В.А. О совершенствовании парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: коллективная монография / отв. ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2016. С. 25-30.
24. Центров Е.Е. О парадигме криминалистической тактики и ее основных понятиях // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 2016. № 1. С. 79–98.
25. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород : НЮИ МВД России, 1997. 336 с.
26. Маркова Л.А. Социальная эпистемология в контексте прошлого и будущего. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 272 с.
27. Смахтин Е.В. Некоторые аспекты развития научных взглядов на природу криминалистики. // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2012, С. 126-128.
28. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование / Гаврилов О.А. - М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. - 128 с.
29. Поленина С.В., Колдаева Н.П. О долгосрочном планировании развития законодательства // Сов. государство и право. — 1979. - № 6. - С. 51-58.
30. Худойкина Т.В. Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2001. 392 с.
31. Бестужев-Лада И.В. Рабочая книга по прогнозированию. Автор: Бестужев-Лада И.В. Издательство: М.: Мысль, 1982.- 430 с. Формат: DjVu.
32. Суворов О. В. Прогноз / О. В. Суворов // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Том третий. — М. : Мысль, 2001. — С. 358.
33. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Выпуск 6. Конфликты в политике и экономике: мониторинг и менеджмент / Под ред Е.И. Степанова. - М. : ИСПАН, 1994.
34. Методологические ориентиры конфликтологической экспертизы // Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. — М., 2000. - С. 69-81.
35. Комісарчук Р.В. Криміналістичний моніторинг в Україні: перспективи становлення та розвитку. / Р.В. Комісарчук // Право та державне управління — № 2. — 2019. — С. 98-104. DOI <https://doi.org/10.32840/pdu.2-2.14>.
36. Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование: Учебное пособие. - Ростов н/Д, 2001. — 416 с.
37. Лунеев В. В. К проекту закона о предупреждении преступности // Государство и право. - 1996. - № 11. - С. 38-48.
38. Комплексна програма профілактики правопорушень на 2016-2020 роки. URL: <https://www.adm-pl.gov.ua/sites/default/files/progrpravoporush.pdf> (дата звернення: 20.12.2020р.).
39. Igor H. Ansoff. Strategic Management. 1979. Игорь Ансофф: Стратегическое управление. — М., 1989. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 20.02.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4155>
40. Карташов В.Н. Принципы права (некоторые аспекты понимания и классификация) // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова [Текст] / ред. Л. Л. Кругликов, ред. В. В. Бутнев, ред. В. Н. Карташов. - Ярославль : Изд-во Ярославского гос. ун-та, 1999. Вып. 3. - 246 с. - ISBN 5-8397-0022-3 : 12.00 р.
41. Конституція України [Електронний ресурс] // Відомості Верховної Ради України (ВВР). — 1996. — № 30. — с. 141. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text> (дата звернення: 25.12.2020 р.).

PEDAGOGICAL SCIENCES

ANENT PHILOLOGICAL EDUCATION AT SECONDARY SCHOOLS IN RUSSIA

Voskresenskaia L.

*candidat of science, associated professor,
teacher in Slipchenko Volgograd Cadet School*
DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-26-27](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-26-27)

Abstract

Learning a foreign language facilitates the process of penetrating into the own native language. The results of the research under consideration show the necessity of developing a special program for senior school students in order to make them create a wider linguistic world image which can result in sophisticating their linguistic competence both in native and foreign languages.

Keywords: linguistic world image, reverse interference, linguistic competence, verbal behavior.

Learning a foreign language is a compulsory school subject in Russia. In accordance with the Federal Educational Standards, a student must acquire the knowledge of a foreign language as early as at the primary level and then master the language skills. Thereby the conscious of a junior schoolchild and adolescent becomes more sophisticated due to increasing the number of sign systems to be acquired. Evidently, these systems affect each other in the process of learning. In linguistics, it is called interference, and this phenomenon often becomes a matter for scientific research (E.M. Vereshchagin, U. Weinreich, L.A. Verbitskaia, A.E. Karlinskii, I.I. Khaleeva, etc.) The research of language interference commonly deals with the study of the impact produced by the mother tongue on the learning of a foreign language. The effect is considered negative in the main.

However, it can be logically assumed, that a foreign language would exercise a certain influence over a student's linguistic competence in the field of the mother tongue. This phenomenon was studied in research of the American linguists (U. Weinreich, I. Kecskes, V. Cook, A. Pavlenko), but in Russia it is less scrutinized and mainly represented by the papers studying borrowings in the Russian language (M.M. Sizov). Thus, insufficient study of changing the mother tongue linguistic competence and verbal behavior due to learning a foreign one determined the relevance of our research.

In the paper under consideration, we regard linguistic competence as a mother tongue knowledge system and the ability to assess linguistic phenomena in accordance with the acquired rules.

The linguistic competence reveals in the human verbal activity. The latter obtains social feature as verbal discourse is formed within it and aims at a certain purpose in communication. L.S. Vygotskii is known to characterize verbal activity as the process of a thought materializing, i.e. the transformation into a word.

Thus, the linguistic competence and the verbal activity, in other words knowledge and the experience of its practical use, can be regarded as an integrated sign system, which is formed and develops in the mind of a student in compliance with his/her linguistic abilities and learning motivation as provided by curricula of different levels.

At Russian schools, the English language is often chosen as the foreign language to study by the students or, as a matter of fact, by their parents. It occurs according to the contemporary geopolitical situation. At the primary level when the gaming prevails as a method of teaching, students take a positive attitude to the foreign language. However, at the senior levels the subject becomes more difficult, and the students' attitude changes.

As noted by many authors (U. Weinreich, A.S. Krutoberezhskaja, Y.V. Soldatova, P.V. Timachev, I.I. Khaleeva), when an individual, whose world image is formed by the mother tongue, encounters the double difficulty. On the one hand, his linguistic consciousness opposes the other language system which often leads to loan translation (calquing) from the native language. On the other hand, his cognitive consciousness fails to accept the idea that another language conveys the reality with other words and grammar structures. Thereby, the linguistic world image alters and learning of a foreign language influences the contents of a human mind. The further mastering the subject needs to apply comparative method and the phenomenon of interference becomes more evident. In teaching the English language, it is necessary to analyze international words and to explain in Russian such syntactic structures as compound object and compound subject. The process of purposeful analysis and comparison is able to decrease the negative interference and result in forming some new understanding of native language. We call it reverse interference. We are of the opinion that it should be one of the objectives of the education in the field of Philology at a senior secondary school. The effect of this process can be positive for personal development of a young man. As István Kecskés stated, "people who know more than one language have different knowledge of their first language L1 than do monolingual people, and this difference can be due to the effect of subsequent languages on the development and use of L1 skills" [2, p. ix]

We have to admit the lack of the specific program for philological education capable to realize interdisciplinary approach at a secondary school. The importance of such program is profound because our research shows that we cannot neglect the phenomenon of reverse interference.

We studied the process of reverse interference at the level of linguistic competence and verbal behavior of senior students in our city of Volgograd (Russia). The survey was developed to reveal the reverse interference among Russian students, to analyze the influence of the English language on the Russian language competence and verbal behavior in everyday communication of Russian young people.

The survey consisted of two parts. The first one contained questions exposing the degree of the influence that imposes the English language on the Russian language competence. The testees were offered the following questions:

“Do I think about the Russian language when I learn English? Specifically, that

1. Sentences in Russian are constructed according to the different rules.
2. There are similar words in both languages with similar meaning.
3. The exceptions in some parts of speech formation are often the same.
4. Many terms used in Russian are English neutral words.”

The students were asked to give examples if they answered the question positively.

The second part of the survey contained questions concerning the influence of the English language on the verbal behavior of the young people in the situation of everyday communication.

“Do I use English words instead of Russian ones in the following situations:

1. when I talk on the Internet where English abbreviations are used;
2. when I speak to friends and want to demonstrate a higher level of education;
3. when my friends and I use English words as slang;
4. when an English word is more capacious in meaning than its Russian equivalent?”

The students were also asked to give examples.

The survey was organized at Slipchenko Volgograd Cadet School where English is taught at the basic level and at Gymnasium #13 with the advanced level of training English. The results obtained in the research witness that the majority of students think about the peculiarities of their mother tongue while learning English in spite of the fact that neither curriculum has a specific section for analysis of the languages. The least percentage of positive answers has the question about the similarity in morphological exceptions. For example, первый, второй – in Russian, first, second – in English; ребенок – дети – in Russian, child-children –

in English. The possible conclusion is that this point was out of discussion at both schools. A considerable part of students realizes that many terms originated from English words.

Thus, learning the English language facilitates the process of penetrating into the own native language. However, it should be admitted that this process has spontaneous nature at both schools. The data from these two samples illustrate that students from Gymnasia have better results which leads to conclusion that advanced program provides a more profound reverse interference despite its spontaneous character.

The analysis of the answers from the second part of the survey shows that using of English words in everyday life often pollutes the native speech. It should be regarded as a negative fact.

The results of the fulfilled research persuaded us of the necessity to develop a special program for senior school students in order to make them create a wider linguistic world image which can result in sophisticated linguistic competence both in native and foreign languages.

REFERENCES:

1. Cook, V. 2003. Introduction: the changing L1 in the L2 user's mind. In Cook, V (ed.) *Effects of the Second Language on the First*. Clevedon: Multilingual Matters, 1–6. Available at: <http://dx.doi.org/10.1017/cbo9780511806766.003>
2. Kecskes, I, Papp, T. 2000. *Foreign Language and Mother Tongue*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc. Pp. xxv + 148.
3. Pavlenko, A. 2000. L2 influence on L1 in late bilingualism. *Issues in Applied Linguistics* 11(2): 175–205.
4. Pavlenko, A., Jarvis, S. 2002. Bidirectional Transfer. *Issues in Applied Linguistics* 23(2): 190–214.
5. Weinreich, U, Martinet, A. 2010. *Languages in contact: Findings and problems*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/333191154>
6. Карлинский, А. Е. Основы теории взаимодействия языков / А. Е. Карлинский; АН КазССР, Ин-т языкознания. - Алма-Ата : Гылым, 1990. - 180 с.
7. Крутобережская, А.С. Интерференция как объект исследования психолингвистики/ А.С. Крутобережская, Я.В. Солдатова // *Инновационная наука* – 2015. - №7. – С.53-56.
8. Сизов, М.М. 2009. О влиянии современного английского языка на русский. Available at: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2009_01/12.pdf

FUNCTIONING OF ASSOCIATIONS, AGENCIES, COMPANIES FOR THE REALIZATION OF TUTORING: A COMPARATIVE ASPECT OF INTERNATIONAL EXPERIENCE**Kolesnikova E.**

Head Department of educational work, teacher of the department «Choral conducting», teacher of the department «Social-humanitarian and psychological-pedagogical disciplines», «South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky», Russia, Chelyabinsk

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АССОЦИАЦИЙ, АГЕНТСТВ, КОМПАНИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ТЬЮТОРСТВА: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА**Колесникова Е.**

Зав. отделом воспитательной работы, преподаватель кафедры «Хоровое дирижирование», преподаватель кафедры «Социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин» ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского», Россия, Челябинск
DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-28-30](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-28-30)

Abstract

The accumulation of advanced experience in the field of tutoring as the general task of the functioning of associations, agencies, companies for the implementation of tutoring dictated the interest in their study and comparison of models and functionality. For research and features in the functioning and models of building international associations, agencies, companies on tutoring and the implementation of this work, the author has chosen a comparative approach. Identify the differences, find their acceptability of implementation to the domestic model of functioning.

Аннотация

Аккумуляция передового опыта по вопросам тьюторства, как генеральная задача функционирования ассоциаций, агентств, компаний по реализации тьюторства продиктовала интерес к их изучению и сравнению моделей и функционала. Для исследования и особенности в функционировании и моделях построения международных ассоциаций, агентств, компаний по вопросам тьюторства и выполнения настоящей работы автором выбран компаративный подход. Выявить отличия, найти их приемлемость реализации к отечественной модели функционирования.

Keywords: tutoring associations, agencies and companies for the implementation of tutoring, models of functioning of an association, agency, campaign, union for the implementation of tutoring, a comparative approach to study.

Ключевые слова: ассоциации тьюторства, агентства и компании по реализации тьюторства, модели функционирования ассоциации, агентства, кампании, союза по реализации тьюторства, компаративный подход к изучению.

Теоретической базой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных учёных по вопросам тьюторства при изучении отечественного и зарубежного опыта посвящены монументальные труды: Е.А. Андреевой, Л.М. Гедгафовой, И.Н. Веревиной, Д.А. Логинова, В.В. Семенов, И.А. Сухаревской, Т.Н. Боковой, В.С. Зайцева, Т.М. Ковалевой, Е.И. Кобыща, С.Ю. Поповой (Смолик), А.А. Торова, М.Ю. Черединой, Н.В. Абрамовских, Е.А. Казиевой, Н.В. Абрамовских, Е.А. Александровой, Е.В. Белицкой, Э. Гордон, Р. Морган, Д. Понтиселл, М.А. Дьячковой, О.Н. Томюк Л.В. Горюновой, Д.С. Молокова, Н.В. Пилипчевской, Е.А. Солодовой, П.П. Ефимова, А.А. Цукер, Н.В. Муха, М.М. Миркес и др. Информация о функционировании агентств, ассоциаций, компаний по реализации тьюторства использована с официальных страниц данных организаций.

Реализация практического опыта развития тьюторства в России осуществляется сравнительно недавно. «Межрегиональная тьюторская ассоциация» («МТА» - действует с 2007 года в России), введена профессия «тьютор» в реестр профессий, в номенклатуру должностей

(2008 г.), разработана программа подготовки экспертов в сфере индивидуализации и тьюторства по корпоративным стандартам «МТА» (2013г.).

Направления «МТА» – информационное обеспечение методическими и нормативными документами, проведение научных конференций, доступ к пакету методических и аналитических материалов (по рассылке), возможность публикаций в изданиях «МТА», получение экспертной и консультационной помощи со стороны экспертов «МТА», влияние на решения в области региональной и федеральной образовательной политики, Тьюторство по уровням образования, Тьюторство семейного, инклюзивного образования, сопровождение иностранных студентов, Тьюторство частной школы, Тьюторство сельской школы и пр.

Ассоциация представлена 12 отделениями по России, насчитывает более 250 членов ассоциации. В Челябинской области в настоящее время отсутствует отделение МТА, но есть представители из г. Челябинска: Бенгардт А.А. (ст. преподаватель

ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ»), Цилинский В.С. (начальник управления научной работы ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ»), с 2020 года автор настоящей работы вступил в МТА – Колесникова Е.В. (зав. отделом воспитательной работы ГБОУ ВО «ЮУрГПИИ им. П.И. Чайковского»), аспирант ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ»).

Кроме того, в России действует «Московский тьюторский центр», реализуется проект «Агентство тьюторских услуг» (координатор Змушко (Эссаулова) Наталья Сергеевна). Идет обучение по программе магистратуры на базе «МГПУ/ МПГУ» (с 2015г.). Организованы курсы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки МПГУ декабрь 2015г. – июнь 2016г. по ряду программ, например: «Технологическая школа тьюторства: инструменты реализации принципа индивидуализации образовательного процесса в условиях реализации ФГОС».

На базе ВГАППССС действует программа переподготовки. Автор настоящей работы прошел обучение по дополнительной образовательной программе профессиональной переподготовки в АНО ДПО «ВГАППССС» по направлению «Тьюторское сопровождение обучающихся» (340 часов, 29.05.20г.-20.08.2020г., получен диплом профессиональной переподготовки).

В России действует «Содружество тьюторов. Агентство тьюторских услуг» (возглавляют агентство: Кохова Анжелика и Генджер Елена) - в функции данного агентства входят – услуги по профориентации, подбор индивидуальной образовательной программы, сопровождение людей «серебряного возраста», работа с детьми и подростками с особенностями здоровья.

Среди организаций на территории России: АНО «Агентство тьюторских услуг «Профи Плюс» (с 2011г., директор Никита Сергеевич Зайцев) – реализует два проекта «Институт и культура», «Здоровье», это и «Союз профессиональных тьюторов. Полнос практики» (действует с 2018г., председатель – Александра Куликова) - сообщество профессионалов, практикующих в области индивидуального тьюторского сопровождения, в том числе практикум для тьюторов (ведущий эксперт – Юлия Изотова).

Координация деятельности тьюторов происходит как на базах ассоциаций, так и в рамках проектов, в том числе на базе агентств и в реализации деятельности компаний.

В разных странах профессия тьютора будет носить различное наименование в каждом конкретном случае. Так, в Англии: Тьютор, учительница, наставник пажей, гувернер, гувернантка, путешествующий тьютор, монитор, няня, кандидат, в Германии: Erziehungskunstler, тьютор-ровесник, ментор, мультипликатор, в России: Тьютор, классный воспитатель, в ОАЭ: Тьютор, фасилитатор.

Пример реализации тьюторства с привлечением зарубежных профессионалов - Агентство «EnglishNanny» с 2009 года (владелец Валентин Гроголь) специализируется на подборе специалистов для работы в лучших учебных заведениях России, Великобритании, стран СНГ, Азии, Африки и Европы. В Агентстве работают тьюторы из России и зарубежных стран: Англии, Франции, Германии,

Испании, Италии. Китая. В функции агентства входит подбор кандидатов со знанием особенностей американской и французской образовательных систем, помощь в переводе иностранных документов, иностранных дипломов, оформление виз, сопровождения поступления в иностранные образовательные организации и пр.

Еще один пример - Лондонской образовательной компании «Bruton Lloyd» (2005г., директор Анна Куницына). В функции этой образовательной компании входят: сопровождение в поступлении в хорошие школы, сотрудничество с тьюторами, готовыми работать за границей, которыми чаще всего становятся молодые (25–30 лет) выпускники лучших университетов – Оксфорда, Кембриджа и других. Ключевая цель компании – работа с тьюторами, которые научат ребенка смотреть широко на идеи, уметь слушать других людей и отстаивать свою позицию для продолжения обучения за рубежом.

Одна из особенностей агентств и компаний по работе с зарубежными тьюторами – это непосредственная профориентация на обучение в выбранной образовательной организации и прежде всего за рубежом и набор сопутствующих услуг по обучению иностранному языку (широкий спектр профессионалов из разных стран: Англии, Франции, Германии, Испании, Италии. Китая и пр.), услуги по переводу документации, по оформлению виз, дипломов и прочее, - что возможно рассмотреть для развития спектра работ и услуг и в деятельности отечественных агентств, ассоциаций и компаний.

Материалы настоящей работы автора стали результатом изучения вопросов тьюторства в рамках обучения по программе научно-педагогических кадров в аспирантуре ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ» (Челябинск), участия в конференциях: с темой «Практические аспекты тьюторского сопровождения студентов музыкальных вузов в профессиональной деятельности» в рамках XI Международной научно-практической конференции «Здоровьесберегающее образование - залог безопасной жизнедеятельности молодежи: проблемы и пути решения» (12.11.20г. -13.11.2020г. на базе ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ»), с темой «Предметно-музыкальная образовательная среда как педагогическое условие тьюторского сопровождения студентов музыкальных ВУЗов» в конференции «Мир культуры» (25.11.2020г., на базе ГБОУ ВО «ЮУрГПИИ им. П.И. Чайковского»), с темой «Организация педагогического процесса с включением возможностей тьюторского сопровождения в учреждениях культуры» в конференции «Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства» (ноябрь 2020г., на базе ГБОУ ВО «ЮУрГПИИ им. П.И. Чайковского»), выступила автором публикации на тему «Методы организации тьюторского сопровождения в образовательной организации художественной направленности» в журнале «Искусствознание» (№1(27), на базе ГБОУ ВО «ЮУрГПИИ им. П.И. Чайковского»), защиты кандидатского экзамена с рефератом на тему: «Исторический аспект возникновения тьюторского

сопровождения за рубежом и в России» (2020г., ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агентство EnglishNanny. Официальный сайт: Электронный ресурс <https://www.english-nanny.ru/blog/english-teachers-for-your-school/> (Дата обращения 25.12.2020г.).
2. Агенство тьюторских услуг. Профи Плюс Официальный сайт: Электронный ресурс URL: <https://tutorprof.ru/> (Дата обращения 25.12.2020г.).
3. Александрова Е.А., Андреева Е.А. Модернизация классической модели тьюторства в России, странах Европейского союза и Ближнего Востока. Москва-Тверь: «СФК-Офис», 2013. С. 137-141
4. Андреева, Е.А. Модели тьюторства в разных странах: Электронный ресурс/Е.А.АндрееваURL:https://studme.org/147373/literatura/modeli_tyutorstva_raznyh_stranah (дата обращения: 25.12.2020г.).
5. Андреева, Е.А. Современные модели тьюторства в России, странах Европейского Союза и Ближнего Востока (сравнительный анализ): Электронный ресурс / Е.А. Андреева // Вестник ПАГС. – 2011. – №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-tyutorstva-v-rossii-stranah-evropeyskogo-soyuza-i-blizhnego-vostoka-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 25.12.2020г.).
6. Андреева, Е.А. Сравнительный анализ моделей тьюторства (на примере Англии, Германии, Объединенных Арабских Эмиратов и России): автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. пед. наук: Электронный ресурс / Е.А. Андреева . – М., 2012. URL: <http://dissers.ru/1pedagogika/sravnitelnyy-analiz-modeli-tyutorstva-na-primere-anglii-germanii-obedinennih-arabskih-emiratorov-rossii.php> (дата обращения: 25.12.2020г.).
7. Гретинская, Е.О. Тьюторство в России как новая модель образования: становление и развитие: Электронный текст // Проблемы Науки. 2015. №4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyutorstvo-v-rossii-kak-novaya-model-obrazovaniya-stanovlenie-i-razvitiye> (дата обращения: 25.12.2020г.).
8. Колесникова, Е.В. Стили руководства и их реализация в процессе управления образовательными организациями / Е.В. Колесникова // Информационно-коммуникационные технологии в современном образовательном процессе: научное издание. Сборник научных статей. –Челябинск: Печатный двор, 2016. – С. 93-95.
9. Колесникова, Е.В. Методы организации тьюторского сопровождения в образовательной организации художественной направленности / Е.В. Колесникова // Искусствознание. – 2020. – № 1(27). – С. 34-39.
10. Колесникова, Е.В. Организация педагогического процесса с включением возможностей тьюторского сопровождения в учреждениях культуры / Е.В. Колесникова // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства: сб. ст. материалов. – Челябинск, 2020. – С. 155-162.
11. Колесникова, Е.В. Предметно-музыкальная образовательная среда как педагогическое условие тьюторского сопровождения студентов музыкальных ВУЗов: Текст непосредственный / Е.В. Колесникова// Мир культуры. – Челябинск, 2020. – С. 234-237.
12. Межрегиональная тьюторская ассоциация. Официальный сайт: Электронный ресурс URL: <https://thetutor.ru/> (дата обращения: 25.12.2020г.).
13. Содружество тьюторов. Агентство тьюторских услуг. Официальный сайт : Электронный ресурс URL: <https://www.tutoragency.net/> (дата обращения: 25.12.2020г.).
14. Союз профессиональных тьюторов. Полнос практики. Официальный сайт : Электронный ресурс URL: <https://tutorlevel.com/> (Дата обращения 25.12.2020г.).
15. Что может английский тьютор (и не может русский репетитор): Электронный текст URL: <https://zimamagazine.com/2020/02/chto-mozhet-anglijskij-tjutor-i-ne-mozhet-russkij-repetitor-2/> (дата обращения: 25.12.2020г.).

PHYSICAL EDUCATION AS AN INTEGRAL PART OF PRESCHOOLERS' PHYSICAL DEVELOPMENT

Sakharova O.

*A separate structural unit**"Professional college of Mykolaiv V.O. Sukhomlynskyi national university", Mykolayiv, Ukraine*DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-31-34](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-31-34)**Abstract**

The article considers philosophers' and teachers' scientific views on physical education and its impact on the personality's all-round development and formation of physical education as a science. The analysis of fundamental works of E. Dementiev, P. Lesgaft, E. Pokrovskyi, K. Ushynskyi, and others has been given.

Keywords: physical activity, physical development, all-round development, physical exercises, physical education, social education, hardening.

The foundations of health are known to be laid and the main features of a person's personality are known to be brought up in the preschool childhood. A family and preschool education institutions should create favorable conditions for children's optimal physical development, gaining knowledge about the human body, and mastering sanitary and hygienic skills. Children must gradually learn to be the creators of their bodies and health perfection. Good health is the key to children's development in other personal aspects. This feature is emphasized by the folk wisdom: "healthy mind lives in a healthy body". "There is no happiness without health", – says the Ukrainian proverb [6, p. 160-161].

Physical education has historically been one of the first pedagogical problems, which is considered by many educators and psychologists both in the historical and pedagogical heritage and in modern researches. It is historically one of the most ancient areas of the purposeful educational influence on the younger generation. The formation of the theory of physical education as a science notified the emergence of practice as a social phenomenon. With the emergence of culture and science, the complication of social relations between people in slave-owning states, the first systems of children's social education appeared, which necessarily provided for younger generations' all-round and physical development.

The purpose of the article is to analyze pedagogical and philosophical views on physical education and its application in the pedagogical process of schools and other educational institutions.

The importance of exercise in children's health improvement is stressed in Socrates's, Plato's, Aristotle's and other scientists' philosophical judgments. They emphasize that people's physical activity at different periods of their lives replaces any medication. Plato (427-347 BC) said: "Gymnastics is a healing part of medicine". According to him, children's games should be directed in such a way that they get used to the adults' lifestyle from an early age. Along with motor games, they should gradually get used to exercises with jumping, ball, dancing to music, swimming, so that "because of body weakness they did not show cowardice during the war or in any other cases" [2, p. 34].

The famous philosopher of antiquity Plato (429-347 BC) wrote "... Then they send children to a gymnastics teacher, so as to better adapt their bodies to a

courageous life and so that their physical weakness does not develop cowardice during war or in any other cases..." [7, p. 18]. It is worth mentioning that gymnastics teachers at that time not only taught certain exercises (e.g., wrestling), but also observed their impact on the body and keeping hygienic rules [7, p. 19]. "It is difficult to find something better than what was found in ancient times. For the body it is a gymnastic education, and for the soul it is a musical one" – said the scientist [5, p. 139].

As the ancient Greek poet Horace stated "If you do not run while being healthy, you will have to run when you get sick" [1, p. 4], thus indicating that exercise and motor activity are the best way to health.

The experience gained in the development of physical exercises and folk motor games during the early Middle Ages influenced outstanding educators from different countries (J. Komensky, J.-J. Rousseau, J. Pestalozzi and others) who while developing their pedagogical systems substantiated the importance of physical education in the younger generations' all-round training.

The prominent Czech educator John Comenius (1592-1670) being under the influence of the views of the Renaissance utopians, and summarizing personal experience, came to the conclusion that it is necessary to use children's physical education in the school and family pedagogical process. Thus, in his works "Great Didactics" and "Mother's School", which also addressed the issues of preschool children's raising, it is noted that properly selected and dosed physical exercises strengthen children's health and increase their efficiency. He recommended that mothers should breast-feed their babies and let them, when they grow up a little, play and run more [2, p. 34-35]. John Comenius was convinced that person's formation should begin in early childhood. Everything learnt at this time is especially firm [7, p. 22]. Bold and completely new methods of education were already clearly seen in John Comenius's works. The basis of these methods was physical development, without which a person with good health is unthinkable [7, p. 23].

John Comenius paid great attention to the physical exercises system formation. Among the children's motor games, he singled out those that he found useful, supplementing them in accordance with the requirements of military training of the time with running,

jumping, wrestling, swimming and getting a spear in the ring. The teacher recommended that the physical exercises be shown first so that they could be performed without any danger to life. In John Comenius's pedagogy the role of various games and physical exercises was not limited to physical training; they performed an important function in terms of spiritual and ethical education [1, p. 35].

The English philosopher and educator John Locke (1632-1704) spoke about the importance of physical education as part of children's all-round development. He declared that the weaker the body and the less will a person has, the less opportunity he has to achieve the goal. Therefore, he believed that physical education should begin from the first days of human life, considering it as the first adults' influence on children [7, p. 23]. The scientist recommended studying the refined manners, ballroom dancing, and other elements of gallantry, which externally distinguish "nobles" from commoners. In his opinion, all physical education should be carried out by competitive and game method [8, p. 16].

According to his theoretical concept of physical education, there was a characteristic attempt to justify the usefulness of physical exercises for the younger generation. First of all, in his opinion, a person needs to take care of good health, constantly take care of his body, exercise regularly, and have good manners and self-confidence. The popularity of J. Locke's theory contributed to the introduction of physical education in the form of motor games, sports and sports games into the educational institutions of England [2, p.35].

The French teacher, philosopher and educator Jean-Jacques Rousseau (1712-1778) proved the idea of free education of an all-round developed strong, skilled and intelligent personality in his work "Emile, or about education". Thus, he believed that any social problem is related to the human evil, and the evil, in its turn, comes from human weakness. This situation can be changed only by educating a hardened and strong younger generation. The more a child learns to fight the forces of nature, the more agile and strong he grows [2, p. 35]. Jean - J. Rousseau identified three stages in physical education: 1) hardening of the body; 2) hardening and development of the sense organs; 3) hardening, improvement of the sense organs and the formation of motor skills [8, p. 140].

J.-J. Rousseau expressed an opinion that did not coincide with that time opinions that a woman should be physically educated. So, the scientist was against the girl being indoors all the time, being deprived of fresh air, and offered to educate them, indulging them in motor games in the fresh air and daily walks. The scientist wrote "They should play, jump, run, shout, as it is typical of their age" [7, p. 23].

J.-J. Rousseau was the first who considered it necessary to train children's sense organs. In his pedagogical recommendations, he stressed the importance of the children's motor activity development, aimed at overcoming various natural obstacles, such as climbing trees, climbing over a wall, jumping, and swimming. J.-J. Rousseau followed other progressive teachers' views in his system. For example, he followed the principle

of love for physical labor, for the systematic mobility of man, which should be inculcated in childhood as J. Locke did. He supported the views of John Comenius that physical education should begin from the first days of a child's birth. In his opinion children's motor games and exercise in the fresh air should be the basis of physical education [2, p. 35].

The famous Swiss educator J. Pestalozzi (1746-1827) in his work "Elementary Gymnastics" grouped the selected free exercises depending on the mobility of human joints (by anatomical classification), characterized the types of exercises depending on the mobility of the joints, by anatomical classification: exercises for head, legs, arms, and trunk. He considered these exercises as a "preparatory tool" for children's effective physical education, through which you can provide training for more complex movements, sports exercises, etc. [2, p. 36]. The scientist put forward the theory that a person is born with certain abilities inherent in it. According to him the purpose of education is only to develop these abilities through exercise. During his life, the scientist believed that a person could not acquire any makings if they were not laid in him at birth [7, p. 24].

At the end of the XVIIIth century, the famous philosopher and educator of Ukraine H. Skovoroda (1722-1794) paid great attention to the issues of physical education. In his work "The Noble Erodii" the clearly substantiated is the position that children from the first years of life should receive physical education, which "will strengthen them in a way that will help to better understand the sciences" [2, p. 36].

Thus, teachers and philosophers of the XVII - XVIII centuries scientifically substantiated and actively promoted the need for personality's all-round development, which combines a broad education and physical perfection [2, p. 36].

The English philosopher and educator Robert Owen (1771-1858) wrote that "the primary task of a community will always be to provide all its members with the best physical, moral and mental education". He was convinced that health, physical perfection and mental education will bring true happiness to mankind [7, p. 27]. The French philosopher, sociologist Charles Fourier (1772-1837) also was of such an opinion. Thus, he argued, "... education aims to carry out the full development of physical and mental abilities ..." [7, p. 26].

The famous French physiologist and educator, author of the gymnastic system of physical education Georges Demeni (1850-1917) developed this system. It was aimed at continuous classes, the use of stretching exercises, relaxation, and movements to music. However, this system did not find much support due to the fact that young people were encouraged to military service, rather than to psychophysical improvement [7, p. 28].

A significant contribution to the theory of children's physical education was made by doctors and progressive figures E. Pokrovskyi (1838-1895) and E. Dementiev (1850-1919). E. Pokrovskyi wrote more than 70 works on physical education. In the book "Children's physical education in different nations, mainly

Russia”, he substantiates the position that the development of society general culture depends on the development of children’s and youth’s physical education. E. Dementiev is the author of the fundamental work “Gymnastics, or Games”. Among the means of physical education, he put motor games, which are most useful for children, on the first place [2, p. 36-37].

The prominent teacher K. Ushynskiy (1824-187) believed that the process of mental education is closely related to physical exercises [7, p. 34]. Thus, according to K. Ushynskiy, it is necessary to use a rich arsenal of folk games, most accessible to children in physical education. K. Ushynskiy was convinced that games not only promote children’s physical development, but also strengthen their health [6, p.166].

A special place in the development of the physical education scientific foundations is occupied by the teachings of scientist-educator, doctor of medicine and surgery P. Lesgaft (1837-1909), author of the original, scientifically sound system [4, p. 33]. In his scientific activity a significant place is occupied by the development of issues of children’s physical education, as evidenced by the subject of most of his scientific works (a total of 130) [3, p. 8].

In his fundamental work “The Guide to the School-Aged Children’s Physical Education” he scientifically substantiated the concept of physical education. The main provisions of the physical education theory developed by P. Lesgaft (the idea of harmonious development; the need to be guided by didactic principles in teaching children physical exercises; methods of mastering the movements of their bodies in stages) are still relevant [2, p.37].

P. Lesgaft’s system of physical education is based on the laws of harmony, gradualness and sequence of human development. Peter Frantsovykh considered the performance of physical exercises as the only simultaneous process of spiritual and physical improvement of a child. He emphasized the role of the teacher’s **word**, addressed to the child’s mind, which precludes mechanical imitation of the sample [4, p. 33]. Thus, the scientist emphasized that a physical education teacher should wield “a word much better than a literature teacher” [7, p.35]

He based the proposed system on didactic principles, in particular consciousness, in the performance of physical exercises, without diminishing the role of others. P. Lesgaft recommended taking into account children’s age, gender and individual characteristics in the process of physical education.

P. Lesgaft’s system of physical education was aimed at the personality’s all-round development. Physical exercises, having a material (physical) and spiritual (ideal) side, in addition to education, were aimed at physical development, improvement of strength, endurance, speed, and agility.

Based on the scientific achievements of anatomy, physiology, anthropology, P. Lesgaft proposed such a classification of physical exercises (motor actions) and games, which consisted of four sections (groups) [3, p. 9].

The first group includes simple movements used in junior classes to teach a child to control his body

(movements of the head, trunk, limbs), and complex, such as walking, running, and throwing. The movements are performed by the children after the explanation, without being shown. Thus, according to P. Lesgaft, their conscious implementation is achieved [3, p. 9-10].

The second group includes exercises with a gradual increase in effort (“with increasing stress”), which are used in the middle grades, where children learn to overcome ever-increasing difficulties and new more complex obstacles (exercises with sticks, dumbbells, throwing iron or wooden balls, jumping, wrestling, climbing, etc.). The weight of objects for throwing gradually increases, the time of overcoming the distance when walking or running decreases, the distance is lengthened.

The third group presents motor actions related to orientation in space or time (“study of spatial relations”), used in senior classes. They are throwing at the aim, running at a given pace, jumping a certain distance, and so on.

The fourth group was formed by P. Lesgaft’s “systematic exercises in the form of complex actions”: these are various games, swimming, walks, hikes, excursions, skating, skiing, and fencing, which are used in all classes together with the previously mentioned activities [3, p. 10]. The scientist pointed out: “Everything that is learned in systematic classes is used in games, so all the movements and actions produced here must fully correspond to the strength and skill of those who are engaged and conducted with the greatest possible accuracy and dexterity” [4, p. 136].

The scientist believed that physical education should last a lifetime, so it is important from childhood to teach a child to consciously learn physical exercises, be able to rationally, i.e. with the least effort, but with the greatest effect, use them [7, p. 34].

P. Lesgaft paid special attention to the use of folk games, emphasizing their important educational role. In games, he said, children reproduce what they see. Therefore, he recommended them to spend more time outdoors in games and exercises [3, p. 10].

P. Lesgaft’s theory became a solid foundation for the further development of the science of physical education of children, in particular those of a preschool age [3, p. 11].

The pedagogical process should be based on knowledge of the child’s physiology and psychology. A teacher, who does not know these disciplines, cannot properly carry out the complex process of education [7, p. 33]. And the process of mental education was seen by him in inseparable connection with physical exercises. Thus, in his opinion, physical exercises should be in every lesson, then mental activity will be more effective [7, p. 34]. We should point out that the teacher has repeatedly emphasized that in physical education it is necessary to use a rich arsenal of folk games, most accessible to children. He was convinced that games not only promote children’s physical development, but also strengthen their health [2, p. 37]. Thus, in folk games, he pointed out, “the child learns to think, acquires important knowledge...” [6, p. 359].

Thus, physical education is the basis of all-round personal development and is historically one of the most ancient areas of purposeful educational influence on the younger generation.

REFERENCES:

1. Dubogai O. Physical education as a component of child's health and successful learning. K. : Publishing House "School World": Ed. L. Galitsina. 2006, 128 p.
2. Vilchkovsky E.S., Kurok O.I. Theory and methods of preschool children's physical education: textbook / E.S. Vilchkovsky, O.I. Kurok. 2nd ed. Sumy: VTD "University Book", 2005. 428 p.
3. Zagorodnya L.P. Preschool children's physical education: a textbook / Zagorodnya L.P., Titarenko S.A., Barsukovskaya G.P.; general ed. L.P. Zagorodnya. Sumy: University Book, 2011. 22 p.
4. Keneman A.A. and Khukhlaeva D.V., Theory and methodology of preschool children's physical education, textbook for students of pedagogical institutes on specialty "Preschool pedagogy and psychology". Ed. 2nd, ed. and ext. M. : "Prosveshchenie", 1978. 272 p.
5. Plato. Collection of works in 4 vols. Vol. 1 / Translation from ancient Greek; General Ed. A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Gody; Author introduction. Art. and Art. in a note. A.F. Losev; Note. A.A. Takho-Gody. M. : Mysl, 1994, 654 p.
6. Ponimanska T.I. Preschool pedagogy / T.I. Ponimanska: Akademvydav, 2008. 455 p.
7. Stepanenkova E. Ya. Theory and methodology of a child's physical education and development: Textbook for students. M.: Publishing Center "Academy", 2001. 368 p.
8. Khudoliy O.M. General principles of theory and methodology of physical education. Textbook. 2nd type. corrected Kharkiv: "OVS". 2008. 406 p.

PHARMACEUTICS

ANALYSIS OF DRUGS FOR THE TREATMENT OF INFLAMMATORY DISEASES OF THE ORAL CAVITY IN UKRAINE IN 2017-2019

Iakovlieva L.,

Doctor of Pharmacy, Professor of the Department of Pharmaceutical Management and Marketing, National University of Pharmacy of the Ministry of Health of Ukraine, Kharkiv, Ukraine

Stefaniv I.

Assistant of the Surgical Dentistry department, I. Horbachevsky Ternopil National Medical University of the Ministry of Health of Ukraine, Ternopil, Ukraine

DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-35-38](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-35-38)

Abstract

This article is concerned with a comprehensive market study (structure, prices, origin) of drugs of A01A group Means for use in dentistry in Ukraine during 2017-2019. It has been established that the number of INNs during the study period were remained unchanged, and the total number of trade names were slightly changed. The majority of TNs are highly available to patients. Among them are drugs with an optimal variety of dosage forms.

Keywords: dental pharmaceutical products; range; prices; dosage forms; dynamics of indicators in 2017-2019.

Introduction. The scale and incremental increase in oral diseases (OD) incidence have not lost their relevance for many decades. According to the World Health Organization (WHO), today, periodontal disease is high on the list of the structure of OD. Inflammatory periodontal diseases are manifested in 60% of the population of Europe, and in some ecologically unfavourable regions, their number reaches 70-80% [1, 2, 3, 4].

The decrease of the dental health of a population is closely linked to adverse living conditions [5], uncontrolled use of drugs, the adverse environmental situation [6, 7, 8], social and family stress [9], poor nutrition [10], bad habits [11], intensive industrial development, insufficient hygiene of the OC as well as heredity [12, 13, 14].

According to E.E. Kerimov, a high incidence of gingivitis and periodontitis is observed in regions endemic for goiter, characterized by natural iodine deficiency [15].

According to the given epidemiological data, the most common periodontal diseases in young people are gingivitis and generalized periodontitis of initial degree. After 30 years, generalized forms of gingivitis and periodontitis of more severe severity [16, 17].

Inflammatory lesions, such as gingivitis and periodontitis, account for about 90% of all periodontal lesions [18, 19, 20]. Often they have an active course and severe consequences not only for the dental system but also for the patient's body as a whole [21].

There are many reasons for the development of gingivitis. They are divided into external and internal. External factors include effects of chemicals, mechanical damage to the gingival mucosa, burns, local infections. Infectious gingivitis, caused by non-observance of oral hygiene, most often occurs in adults [22, 23]. Internal factors are decreased immunity, diseases of the

digestive tract, beriberi, tooth growth in young children (in this case, a growing tooth damages the gums), caries [24].

Due to the relevance of this group of diseases, it was advisable to study the dynamics of drugs of A01A group (according to the ATC classification) - dental products in the pharmaceutical market of Ukraine during 2017, 2018, and 2019.

The main issues included in our review in this article are:

- ✓ range of drugs by international non-proprietary names (INN) and trade names (TN) in A01A group;
- ✓ origin of drugs on the Ukrainian pharmaceutical market: domestic or foreign;
- ✓ analysis of drug prices of this group;
- ✓ determining the presence of specific dosage forms among the drugs of this group.

Materials and methods. The analysis of the range of drugs of A01A group was performed on the basis of data from the analytical firm "Pharmstandard" of the program "Morion". Methods of data collection on the pharmaceutical market of Ukraine and analytical approaches to their consideration were used. The collection and analysis of literature data on the development and spread of the group of oral inflammatory diseases were performed. An analytical method was used to study the prices of these drugs and determine the presence of specific dosage forms.

Results and discussion. Studies have shown that in the pharmaceutical market of Ukraine during the study period (2017, 2018, and 2019) were identified eight subgroups of drugs of A01A group by ATC classification, and their number did not change during the study period (Table 1). The range of trade names by years, respectively, amounted to 101, 108, and 104 TN. That is, the number of drugs changed slightly.

Table 1

The structure of the market of dental drugs of A01A group

№	ATC	TN used in the market					
		2017		2018		2019	
		D	I	D	I	D	I
1.	A01A B03 Chlorhexidine	3	1	4	1	7	1
2.	A01A B11 Various drugs	5	2	4	2	3	2
3.	A01A B12 Hexetidine	2	3	2	3	2	2
4.	A01A B18 Clotrimazole	0	1	0	1	0	1
5.	A01A B53** Chlorhexidine, combinations	1	0	1	0	1	0
6.	A01A B67** Metronidazole, combinations	4	4	4	4	4	2
7.	A01A D02 Benzidamine	8	3	15	3	15	3
8.	A01A D11 Others	55	9	56	8	54	7
	Total	78	23	86	22	86	18
	Total	101		108		104	
	Total, %	77,23	22,77	79,63	20,37	82,69	17,31

Notes

1

D – TN of domestic production

2

I – TN of import production

Most drugs were represented by domestic manufacturers: in 2017 - 77.3% (78 TN), in 2018 - 79.6% (86 TN) and in 2019 - 82.7% (78 TN). Foreign drugs, which were represented by a small number, respectively amounted to 23 TN, 22 TN, and 18 TN. These drugs were supplied by nine countries: India, the United States, the United Kingdom, Germany, Canada, Switzerland, Israel, Bulgaria, and Poland. The number of foreign drugs in the pharmaceutical market was decreased by 5 TN.

The most number of TN was imported in 2019 by producers of India - 4 TN, the USA, and Great Britain - 3 TN each, Canada and Switzerland - 2 TN each, Israel, Bulgaria, Poland, and Germany - 1 TN each (Table 2).

Table 2

The structure of the market of dental drugs of A01A group by country of origin in 2019

ATC	Ukraine	Israel	USA	India	United Kingdom	Germany	Canada	Bulgaria	Switzerland	Poland	Total
A01A B03 Chlorhexidine	7	1	0	0	0	0	0	0	0	0	8
A01A B11 Different drugs	3	0	0	2	0	0	0	0	0	0	5
A01A B12 Hexetidine	2	0	2	0	0	0	0	0	0	0	4
A01A B18 Clotrimazole	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
A01A B53** Chlorhexidine, combinations	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
A01A B67** Metronidazole, combinations	4	0	1	1	0	0	0	0	0	0	6
A01A D02 Benzidamine	15	0	0	0	3	0	0	0	0	0	18
A01A D11 Others	54	0	0	0	0	1	2	1	2	1	61
Total	86	1	3	4	3	1	2	1	2	1	104
Total, %	82,69	0,96	2,88	3,85	2,88	0,96	1,92	0,96	1,92	0,96	100

India represented 2 drugs from subgroup A01AB11 Different drugs and 1 TN from subgroups A01AB18 Clotrimazole and A01AB67 ** Metronidazole, combinations. The United States imported to Ukraine 2 TNs from subgroup A01A B12 Hexetidine and 1 TNs based on Metronidazole. 1 TN based on Chlorhexidine was supplied from Israel. The other five countries supplied 7 TN from subgroup A01A D11 others.

Thus, in 2019, Ukraine supplied to its pharmaceutical market 78 TNs, and foreign manufacturers supplied 18 TNs, which indicates Ukraine's ability to provide itself with drugs used in practical dentistry for the treatment of inflammatory and oral infectious diseases.

The analysis of prices for dental drugs of group A01A showed that only one drug on the pharmaceutical

market of Ukraine - PERIOCHIP, Dixel (Israel), dental tabs 2.5 mg blister, №20 had a very high price (8 197.60 UAH – 8427.79 UAH) was characterized as inaccessible and consumed precious little. This is a preparation of the common antiseptic A01A B03 Chlorhexidine, which is also available on the market by cheaper TN in a simple, widely used dosage form - a solution for external use.

The other seven INNs are represented on the market only by highly available TN. Thus, the subgroup of drugs A01A D11 Other, which includes the largest number of TN in 2019, was characterized by prices ranging from 5.04 UAH to 182.80 UAH. In the other seven subgroups, the minimum prices were higher and the maximum lower, which indicates the high availability of these drugs for consumers (Table 3).

This is a very positive factor for the prevention and treatment of widespread oral diseases.

Table 3

Dynamics of prices for dental drugs of group A01A in 2017-2019

ATC	Average retail prices for TN used in the market (UAH)					
	2017		2018		2019	
	min	max	min	max	min	max
A01A B03 Chlorhexidine	5,69	8197,6	4,79	7706,43	6,03	8427,79
A01A B11 Various drugs	22,80	44,19	26,78	51,78	31,88	52,53
A01A B12 Hexetidine	12,38	86,17	18,68	100,82	46,86	132,15
A01A B18 Clotrimazole	139,72		149,67		152,33	
A01A B53** Chlorhexidine, combinations	22,04		25,24		35,68	
A01A B67** Metronidazole, combinations	12,13	51,10	12,01	59,03	24,10	67,15
A01A D02 Benzidamine	32,00	154,06	34,91	155,90	32,33	159,81
A01A D11 Others	3,89	477,09	4,36	242,98	5,04	182,80

Notes

- 1 min – minimum prices
2 max – maximum prices

For the studied group of dental drugs A01A it is very important to have appropriate dosage forms for topical administration in OC. There are seven types:

- ✓ sprays – 13,9%;
- ✓ lozenges – 6,9%;
- ✓ gels for OC – 15,8%;
- ✓ liquids: – 30,7%;
- liquid extracts
- drops
- restorative drinks
- solutions
- ✓ herbal raw materials – 30,7%
- ✓ dental tabs – 1,0%;
- ✓ oral paste – 1,0%.

The largest number of dental drugs is presented in the form of liquid dosage forms (30.7%), which are prepared mainly on the basis of medicinal herbal raw materials. The herbal raw material itself, in dry form dosed in filter bags or in bulk in boxes, as well as liquid drugs is a third of all drugs. The third place among the dosage forms presented on the pharmaceutical market is occupied by gels for gums, dental and for OC - 15.8%. The fourth place is occupied by sprays - 13.9%. There are few solid dosage forms in the form of lozenges on the Ukrainian pharmaceutical market - 6.9% and dental tabs and oral paste are presented in one TN.

The analysis showed the presence in Ukraine of specific dosage forms for the group of drugs A01A, intended for the treatment of dental diseases.

Conclusion. In such a way, studies have shown that drugs of group A01A are presented in the pharmaceutical market of Ukraine in eight subgroups, which can be characterized as a moderate range: 101TN, 108 TN, and 104 TN, respectively, by years - 2017, 2018 and 2019. The vast majority of drugs are represented by domestic manufacturers: 78 TN (77.3%) in 2017, 86 TN (79.6%) in 2018, and 86 TN (82.7%) in 2019. The number of foreign-made drugs was low: 23 TN in 2017 and 18 TN in 2019. Imported TN is supplied from nine countries. The share of domestically produced drugs

has been increasing every year, which ensures the pharmaceutical independence of Ukraine in this medical field. Only one drug on the market during the study period had a high price (8 197.60 UAH, 7 706.43 UAH, 8 427.79 UAH) and was inaccessible (PERIOCHIP, Dixel (Israel), dental tabs 2.5 mg blister No. 20). Prices for other drugs presented on the pharmaceutical market of Ukraine ranged from 5.04 UAH to 182.80 UAH in 2019, which compared to prices in previous years is characterized by a slight increase in minimum prices and a significant decrease in maximum prices and subgroup A01A D11 Other (477.09 UAH, 242.98 UAH, 182.80 UAH). In other subgroups, there was a slight increase in both minimum and maximum prices, but all drugs, except for the above, remained highly available to consumers.

It was established that A01A group Means for use in dentistry in the pharmaceutical market of Ukraine is represented by seven types of dosage forms. Most commonly, the drugs are presented in the form of oral liquids and dry herbal raw materials by 30.7% of the total amount of TN. Among the other dosage forms, there are oral gels - 15.8%, sprays - 13.9%, lozenges - 6.9%, and one drug in the form of dental inserts an oral paste. Pharmaceutical products are presented in the form of specific dosage forms intended for the treatment of inflammatory diseases of the oral cavity

REFERENCES:

1. Антоненко М. Ю. Наукове обґрунтування сучасної стратегії профілактики захворювань пародонта в Україні : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 14.01.22 / Нац. мед. ун-т ім. О. О. Богомольця. Київ, 2012. 41 с.
2. Савичук НО. Современные подходы к изучению стоматологического здоровья. Дент. технологии. 2010. №2. С.7-10.
3. Commission of the European Communities. Solidarity in health: reducing health inequalities in the EU. Communication 67, 20 October 2009. Brussels : Commission of the EC URL : http://ec.europa.eu/health/ph_determinants/socio_economics/documents/com2009_en.pdf (date of access: 02.11.2017).
4. Kinane, D. Periodontal diseases and health: Consensus Report of the Sixth European Workshop on Periodontology D. Kinane, P. Bouchard. J. of Clinical Periodontology. 2008, Vol. 35, Issue 8. P. 333–337. doi: 10.1111/j.1600-051x.2008.01278.x.
5. Whitehead M. Концепции и принципы преодоления социального неравенства в отношении здоровья: Восходящее выравнивание (часть 1) / M. Whitehead, G. Dahlgren – Копенгаген : Европейское региональное бюро ВОЗ, 2010. URL : <http://www.euro.who.int/document/e89383r.pdf> (дата обращения: 6.12.2018 г.).
6. Социальные и гендерные неравенства в отношении окружающей среды и здоров'я. Защитим здоровье детей в изменяющейся среде. Материалы пятой мин. конф. по окружающей среде и охране здоровья, г. Парма, Италия – Копенгаген : Европейское региональное бюро ВОЗ, 2010. 31 с.
7. Safer water, better health. Geneva : WHO, 2008. 53 p. URL : http://whqlibdoc.who.int/publications/2008/9789241596435_eng.pdf (date of access: 6.12.2018г.).
8. Галикеева А.Ш., Булгакова А.И. Экологические аспекты развития воспалительно-дистрофических изменений в пародонте. Пародонтология. 2009. №1. С.20-22.
9. Калініченко Ю.А., Сіротченко Т.А. Взаємозв'язок та взаємовплив стоматологічного та соматичного здоров'я дітей та підлітків як сучасна медико-соціальна проблема. Здоров'я ребенка. 2010. №3 (24). С.71–74.
10. Цимбалістов А.В., Робакидзе Н.С. Патологические аспекты развития сочетанной патологии полости рта и желудочно-кишечного тракта. Стоматология для всех. 2005. №1. С. 28–34.
11. Genco R.J., Loe H. The role of systemic condition and disorders in periodontal disease. Periodontology. 2000. Vol.2. P.98-116.
12. Герасименко Є.В. Диференційований підхід до індивідуальної гігієни у людей з різним стоматологічним статусом. Новини стоматології. 2010. №3. С. 33-34.
13. Безвужко Е. В. Особливості формування патології тканин пародонта у дітей, що проживають у різних екологічних умовах. Вісник стоматології. 2008. № 2. С. 97-101.
14. Почтаренко В.А., Янушевич О.О., Приор К. Генетический статус человека как фактор развития воспалительных заболеваний человека (обзор литературы). Пародонтология. 2005. Т.37, №4. С. 8 - 11.
15. Керимов Э.Э. Патогенез болезней пародонта при патологии щитовидной железы и особенности их профилактики в очагах зубной эндемии Азербайджанской ССР / Э.Э. Керимов: автореф. дис. д-ра мед. наук. К., 1989.
16. Хоменко Л.О., Марушко Ю.В. Московенко О.Д., Дуда О.В. Взаємозв'язок запальних захворювань тканин пародонту та соматичних захворювань у дітей (огляд літератури). Новини стоматології. 2015. №2 (83). С.90-94.
17. Черкашин Д.С., Григорович Э.Ш., Городилов Р.В. Оценка эффективности консервативного лечения больных хроническим генерализованным пародонтитом. Ин-т стоматологии. 2009. №1. С. 68.
18. Аналіз основних показників стану стоматологічної допомоги населенню України в 2002–2005 рр. / К. М. Косенко та ін. Вісник стоматології. 2006. №4. С. 74–80.
19. Малий Д.Ю., Антоненко М.Ю. Епідеміологія захворювань пародонта: віковий аспект. Український науково-медичний молодіжний журнал. №4. 2013. С. 41-43.
20. Iqbal PS, Khan SN, Haris M, Narayanan M, Laju S, Kumar SS. Assessment of systemic inflammatory markers in patients with aggressive periodontitis. J Int Oral Health. 2015. №7 (Suppl 2). P.48-51.
21. Дрогомирецька МС, Мірчук БМ, Деньга ОВ. Розповсюдженість зубно-щелепних деформацій і захворювань тканин пародонта в дорослих у різні вікові періоди. Укр. стоматол. альманах. 2010. №1(2). С. 51-57.
22. Горбачева И.А., Кирсанов А.И., Орехова Л.Ю. Единство системных патогенетических механизмов при заболеваниях внутренних органов, ассоциированных с генерализованным пародонтитом. Стоматология. 2004. №3. С.6–11.
23. Kebschull M, Papapanou PN. Periodontal microbial complexes associated with specific cell and tissue responses. J Clin Periodontol. 2011. Vol. 38 (Suppl 11). P. 17-27. doi: 10.1111/j.1600-051X.2010.01668.x.
24. Земсков А.М., Земсков В.М., Земсков М.А. и др. Влияние патогенеза заболеваний на особенности иммунологических расстройств и их коррекции Успехи совр. биологии. 2007. Т. 127, №6. С. 548–557.

PHILOLOGICAL SCIENCES

RELATIONS OF PERSONAL NAME AND ETIQUETTE

Susi M.,

*Lecturer of Russian Department
Padjadjaran University Bandung, Indonesia*

Anggraeni Purnama D.,

*Lecturer of Russian Department
Padjadjaran University Bandung, Indonesia*

Nany I.

*Lecturer of French Department
Padjadjaran University Bandung, Indonesia*

ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОГО ИМЕНИ И ЭТИКЕТА

Суси М.,

*Преподаватель кафедры русского языка
Университета «Паджаджаран» г. Бандунг, Индонезия*

Ангграени Пурнама Д.,

*Преподаватель кафедры русского языка
Университета «Паджаджаран» г. Бандунг, Индонезия*

Нани И.

*Преподаватель кафедры французского языка
Университета «Паджаджаран» г. Бандунг, Индонезия*

DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-39-46](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-39-46)

Abstract

The article is devoted to the relation of personal name and etiquette. This applies to the rules of address etiquette. People try to use it more often when addressing the company. According with the Russian etiquette of dealing is not always a person can call the person by their name. Do not address by name to a person who is older than you, to a high-ranking official, to your boss. To those people are addressed by first names and patronymics, and in Indonesia by the etiquette words Bapak Pak + name (for the masculine gender) Ibu Bu + name (for the feminine gender).

Аннотация

Статья посвящена отношению личного имени и этикета. Это касается правил этикета обращения. Люди стараются почаще употреблять его, обращаясь к собеседнику. У русских богаты системой именования. У них есть фамилия, отчество, имя, сокращенное имя, diminutive имя. Согласно с русским этикетом обращения не всегда человека можно назвать собеседника по имени. Не обращаются по имени к человеку, который старше вас по возрасту, к высокопоставленному чиновнику, к своему начальнику. К таким людям обращаются по именам отчества, а в Индонезии по этикетным словам Bapak Pak + имя (для мужского рода) Ibu Bu + имя (женского рода).

Keywords: relation, proper name, etiquette.

Ключевые слова: отношение, личное имя, этикета.

Система именования изучена в антропониме. По мнению Н.В. Подольской, антропоним – любое собственное имя, которое может носить человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка [Подольская, 1988:31].

Имена, звучащие вокруг нас сегодня, стали такими не сразу. Некоторых имён вовсе не было, иные пришли к нам от других народов и претерпели серьёзные изменения, приспособившись к нормам русского языка. Некоторые имена со временем вышли из употребления, а другие сохранились почти в неизменном виде от эпохи славянских древностей [Суперанская, 2006: 7].

Во времена правления великого киевского князя Владимира в Киеве и во всей Руси были такие

типы имён как, *Святослав Игоревич* (имя князя) и *Машула* (имя простой женщины), *Олег* (имя мужчины). С 988 года князь Владимир продолжал укреплять свою власть в Крыму и затем в Византии. Тогда же князь Владимир женился на византийской принцессе, которую звали Анна, после чего он крестился и получил христианское имя «Василий». Приехав в Киев, князь Владимир стал вводить христианство. С принятием христианства на Руси, эта религия была учреждена в качестве государственной. Событие это отразилось и на способе именования русских людей. С тех пор появилось много христианских имён например: *Игорь, Ольга, Фёдор, Иван, Василий, Елена, Борис, Глеб, Роман, Давид, Гавриил, Георгий, Кирилл, Никита, Павел, Татьяна*

и мн. др. Эти христианские имена пришли из Византии. Эти имена также называются календарными русскими именами. В настоящее время 95 процентов русских людей носят старые традиционные календарные русские имена. Календарными они называются потому, что в прошлом их включали в календари церковные (святцы, месяцесловы, минеи) и гражданские. Термин «церковные имена», иногда употребляющийся в обиходе, неверен, так как эти имена связаны с историей народов, существовавших задолго до появления христианства. В церковные календари были внесены люди разных национальностей, погибшие мученической смертью за веру и причисленные христианской церковью к лику святых. В то же время употреблялись и древнерусские имена. [Суперанская, 2007: 13-23; 2009: 14; 2008: 36].

В древнерусском этапе имена были разнообразны. Первый тип – это числовые имена. В числовых именах представлен весь числовой ряд от 1 до 10 (*Перва, Первой, Вторак, Третьяк, Семей*). Второй тип – это имена, данные по цвету, волос и кожи: *Красной, Черный, Черян, Чернява, Чернавка, Бел, Беляй, Беляк, Белой, Белуха* и др. Следующий тип – имена присваивались по внешнему виду: *Сужой, Толстой, Дольгой, Дружина, Доврыня Мал, Малуша, Заяц, Губа*, и т. д. Имена, которые присваивались в зависимости от характера и поведения ребёнка: *Булгак, Забава, Крик, Молчан, Смеяна, Смирной*. Большой интерес представляют типы имена, связанные с животными и растительным миром: *Бык, Волк, Кот, Жеребец, Корова, Ветка, Трава, Пырей, Щавей*. Имена, ассоциирующиеся с старыми профессиями: *Богдан Ковырин, Ждан Вбрамов* – строители; *Третьяк Астафьев, Некрас Михайлов* – серебряники; *Беляк Русаев и Девятко Агафонов* – медики; *Вихорко Иванов* – железных дел мастер; *Пятой Богданов и Булгак Новгородов* – пушечники.

Среди древнерусских имён широкая распространённость именно этих имён, сохранявшаяся вплоть до XVI века, дала толчок к созданию различных дополнительных к ним форм – сокращённых, уменьшительных, ласкательных, которыми было внутри семьи удобнее пользоваться, чем полными, например: от имён *Бык, Волк* и *Медведь* образуются уменьшительными формами *Бычко, Волчко* и *Медвежонок*. Такая диминутивная форма – характерный пример из XVI века: отца звали *Сопля Иван Матвеевич*, а его сын носил прозвище *Соплёнок*. [Суперанская, 2010: 49 - 69].

Имя используется в формальной и в неформальной ситуациях. В неформальной ситуации – дома, в кругу друзей, среди товарищей по работе, среди детей – люди обращаются в форме сокращённой или диминутивной формы имён, например: *Катя, Маша, Петя, Серёжа; Люба* – это сокращённые имена от *Екатерина, Мария, Петер, Сергей; Димка, Нинка, Наташенька, Никитушка, Юрик, Димок, Людочка, Володюшка, Катенок* – это диминутивные имена от полных имён *Дмитрий, Нина, Наталья, Никита, Юрий, Димитрий, Людмила, Владимир, Екатерина* и др. Таким образом,

именно неофициальные домашние древнерусские имена оказались тем «проводником», который позволил новым чужим именам легче войти в словарный состав русского языка. Благодаря тому, что сокращённые формы русских имён сохранились с древнейших времён, позже они соединились в сознании народа с новым полными именами.

А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова (1995), А.В. Суперанская (1969, 2010) и А. Вежицкая (1996) отмечают, что гипокористические формы имён образовались от усечённых основ полных имён, сохраняя нередко с последними лишь условную общность. Традиционными краткими формами являются те, которые образованы простым усечением основы или конечного суффикса с добавлением окончания -а или йотированного суффикса с окончанием [-й|а] (-я): *Валер(ий) → Валер|а, Фёд(ор) → Фед|я, Ром(ан) → Ром|а, Пёт(р) → Пет|я, Оль(га) → Ол|я, Вик(тория) → Вик|а, Ви(к)т(ор) → Вит|я, (Е)кат(ерина) → Кат|я, (А)наст(асия) → Наст|я, (Ана)тол(ий) → Тол|я, (Вяч)е(слав) → Слав|а, Ко(н)ст(антин) → Кост|я*. В результате такого преобразования складывается короткое слово с открытым конечным слогом; благодаря этому сокращённой формой имени легко звать человека, обращаться к нему.

Помимо этого, существуют стилистически нейтральные суффиксы, которые используются (также совместно с -а или -я), как правило, при более существенном усечении основы полного имени, когда от неё остаётся 1-2 звука. Это следующие суффиксы:

- -ш-: *Ма(рия) → Ма|ш|а, Па(вел) → Па|ш|а, Ми(хаил) → Ми|ш|а, (Ан)то(нина) → То|ш|а, Да(рья) → Да|ш|а, (А)ле(ксе́й) → Ле|ш|а, (Алек)са(ндр) → Са|ш|а;*
- -н-: *Ма(рия) → Ма|н|я, Со(фия) → Со|н|я, Та(тьяна) → Та|н|я, Га(вриил) → Га|н|я;*
- -к-: *(Фе)ли(ция) → Ли|к|а, Ге(ннадий) → Ге|к|а, И(горь) → И|к|а, Ми(хаил) → Ми|к|а;*
- -с- и: *Лю(дмила) → Лю|с|я, А(нна) → А|с|я, (А)га(фья) → Га|с|я, (Ев)д(окия) → Д|ус|я;*
- -ус-: *Т(амара) → Ту|с|я*; и некоторые др.

Одним из ярких признаков самобытности русского языка сравнительно с другими языками, например, с индонезийским, является категория диминутивности, поскольку она обнаружила себя чрезвычайно производительной. Диминутив (уменьшительная форма) – слово, или форма слова, передающая субъективно-оценочное значение малого объёма, размера и т. п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов. Значение уменьшительности также может сопровождаться различными эмоционально-экспрессивными окрасками – ласкательности (уменьшительно-ласкательная форма), напр.: уменьшительно-ласкательного обращения по имени: *Дмитрий — Димочка, Митенька, Митюшенька* и др.

В словообразовании уменьшительных и ласкательных форм имён участвуют разнообразные диминутивные суффиксы (-очк-, -ечк-, -оньк-, -еньк-, -ушк-, -юшк-, -юш-, -яш-, -уш-, -ул-, -ун-, -ус-, -к-, -ик,

и другие), а в качестве основ используются как основы полных имён, так и кратких форм. Например, от полной формы имени *Мария* и *Марья* образуются уменьшительные *Марюня*, *Маруня*, *Маруся*, *Марюша* и *Марьюшка*, *Марьяша*; от краткой формы *Маша* → *Машка*, *Машенька*, *Машуля*; от краткой формы *Маня* → *Манечка*, *Манюся*, *Манюша*, *Маняша* и т. п. Коммуникативный выбор диминутивной формы имени зависит от полноты чувства, испытываемого, говорящим по отношению к именуемому; учитывая разнообразие основ, обусловленное множеством кратких форм, и суффиксов, уменьшительные и ласкательные имена позволяют выразить в речи широкий спектр эмоциональных красок.

В римских провинциях преобладали романские (латинские) имена (*Антоний*, *Эмилий*, восходящие к древним родовым именам), а также имена, принесённые германцами (*Альфред*, *Бернард*, *Эдвард*). В Библии были записаны имена, традиционно дававшиеся в еврейских семьях (*Сарра*, *Дебора*, *Герсон*, *Абрахам*, *Иосиф*, *Давид*, *Марфа*). Так вместе с размежеванием религий произошло размежевание имён, им сопутствующих [Суперанская, 2006: 10].

В VII веке появляется ещё одна мировая религия – Ислам, способствовавшая активизации и военнизации арабов, тюрков, иранцев, что также оказало влияние на русские именованья. С тех пор появились имена, которые происходят из Турции (*Тимур*, *Лейла*, *Сабур*), Ирана (*Булат*, *Лала*, *Майда*) [Суперанская, 2007: 7 – 10 и 108; 2006: 10].

В XVII веке остатки древнерусской системы ещё сохранялись в неофициальном употреблении. В каждой семье знали, как звали дедов и прадедов, что позволяло в неофициальных случаях именовать детей древнерусскими именами согласно семейным традициям [Суперанская, 2007: 27].

Русский народ относится к числу славянских. Территориально славяне разделились на западных (чехи, словаки, поляки, лужичане); южных (сербы, хорваты, болгары, македонцы, словенцы, боснийцы, черногорцы); и восточных (русских, белорусов и украинцев) [Суперанская, 2006: 7]. Неудивительно, что много русских имён произошло из этих районов, например: *Станислав*, *Рада* и др.

С точки зрения культурологического аспекта русские антропонимы заслуживают пристального внимания, поскольку национально-культурный компонент информации, содержащийся в антропониме, многопланов:

1. Возраст имени:

- Новые имена: *Октябрина*, *Майя*, *Владлен*, *Нинель*, *Алла*, *Римма*
- Старые имена: *Игорь*, *Олег*, *Владислав*, *Петр*, *Павел*, *Анастасия*, *Варвара*, *Елизавета*.

2. Происхождение имени:

- Иностранные имена: *Альберт*, *Герман*, *Эдуард*. *Альбина*, *Белла*, *Вероника*.
- Славянские: *Владимир*, *Вячеслав*, *Мстислав*, *Ольга*, *Всеволод*, *Вера*.
- Греческие: *Анатолий*, *Екатерина*

- Латинские: *Валентин*, *Феликс*, *Клара*, *Карина*.

- древнееврейские: *Иван*, *Мария*.

3. Социальное место бытования (ещё ощущается):

- крестьянские: *Сидар*, *Емельян*, *Лукерья*, *Федосия*;
 - городские: *Тамара*, *Вадим*, *Мария*
- #### 4. Стилиевая принадлежность:
- просторечные: *Гаврила*, *Михаило*, *Данила*, *Марья*;
 - официальные: *Гавриил*, *Михаил*, *Даниил*, *Мария*.

5. Степень употребительности:

- модные: *Александр*, *Алексей*, *Денис*, *Максим*, *Андрей*;
- известные имена, но редкие: *Аввакум*, *Акакий*, *Варлаам*, *Василиса*, *Герасим*, *Глафира* и т.д.

6. Территориальная локация – юг России: *Оксана*, *Тарас*. [Верещагин и Костомаров, 1990: 56 – 57; Формановская, 2007: 205 – 206].

В XX веке русские именные системы развиваются в соответствии со сменой культурных ориентаций, происшедших после революции. Появились новые имена для «новой жизни», и они отличались от имён прежних особой идеологической направленностью и эмоциональностью, такие, как, например: *Антенна*, *Баррикада*, *Трактор*, *Октябрь*, *Атейст*, *Гранит*; заимствования имён: *Рудольф*, *Ромуальд*, *Тамерлан* и т.д.; имена - аббревиатуры: *Эдил* - «эта девочка имени Ленина», *Восмарт* - «восьмое марта», *Вилен* - «Владимир Ильич Ленин», *Карм* (*Кармий*) «Красная Армия», *Зарема* «за революцию мира», *Лина* «Лига Наций», *Рената* «революция, наука, труда» и т.д. Однако подобные именные системы быстро устарели и стали «неологизмом – историзмом». А.В. Суперанская пишет, что встречаются имена, которые происходят от названий месяцев и географических объектов, например: *Аврелий*, *Март*, *Августина*; *Алтай*, *Урал*, *Волга*, *Нева* и зарубежных *Альбион*, *Геркулан*, *Дания*, *Луара*, *Эллада*, *Ирана*. Это преимущественно женские имена. [Суперанская, 2006: 33 – 37].

Русские официальные именованья состоят из фамилии, имени и отчества: *Павлов Павел Егорович*, *Байкалова Любовь Федоровна*. Фамилии у русских существуют несколько веков, но долгое время их могла иметь лишь небольшая часть населения – знать. Формирование на Руси фамилии растянулось на несколько столетий и было связано с классовым расслоением общества [Ганжина, 2001: 3]. Трёхчленная формула именования стала у русских общепринятой официальной для всех народов СССР [Суперанская, 2009: 82]. Фамилия – наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека к определённой семье [Подольская, 1988: 140]. Личное имя (собственное имя) – слово или словосочетание, которое называет индивидуальные личности, выделяемые из состава однородных [Васильева 2008: 11].

Становление русских фамилий отражает этапы развития русского общества. Эти же этапы отразились и на словарном составе русского языка. Возникновение боярства, дворянства, чиновничества потребовало специальных слов для их обозначения, например: от слова боярин, дворянин, чиновник образовались основы фамилий *Борянов, Полубояринов, Дворянский, Дворянkin, Чиновников* и др. [Суперанская, 2008: 44-45]. Кроме известных названий профессий и иных слов, связанных с человеческой деятельностью, фамилии вбирают в себя массу слов, исчезнувших из живого повседневного употребления, в связи с чем обнаружение этих слов и раскрытие их значений очень важно для изучения истории языка и общества. Среди них есть слова, отражающие различные стороны исторической действительности – материальной и духовной культуры русских предков. От таких слов образованных основы фамилий, например: *Попов, Обеднин, Храмов, Певчев* связаны, по всей вероятности, с церковью, которая занимала до революции 1917 года огромное место в общественной жизни народа.

В 1920-е возникли «революционные» фамилии, как *Пятилеткин, Колхознов, Октябрьский, Первомайский, Краснофлоский* и др.

Отчество – именование, произведённое от имени отца в семье [Подольская, 1988:102]. Примеры русские паспортных имён: *Греков Георгий Лаврентьевич* - для мужчины; *Полужкова Тамара Максимовна* - для женщины. Отчество использовалось с древних времён. Уже в списках русских послов 945 года при именах некоторых из них находим отчества. Отчество образуется от имён предков по мужской линии, называемой патронимической, с помощью суффиксов *-ович (Петрович), -евич (Николаевич), -ич (Ильич)* для мужского пола, *-овна (Петровна), -евна (Николаевна), -ична/-инична (Никитична, Ильинична)* для женского пола [Суперанская, 2008: 82; 2010: 178; Формановская, 2007: 142; Формановская, 2006: 226]. Употребление отчества является одной из особенностей русской культуры общения, кроме того, отчество связано с рядом действий по оформлению тех или иных документов, например: паспорт, вступление в право наследования и т.д. А фамилия оформлена с помощью суффиксов *-ов (Абрамов), -ев (Васильев), -ин (Аннушкин)*.

1.2. Этикет и личное имя

Само понятие «этикет» французского происхождения и связано с правлением Людовика XIV (1638-1715), который ввёл порядок поведения приглашённых гостей, изложенный на специальных *карточках* (по франц. *etiquette* - этикетка). Отсюда возникает слово «этикет» [Формановская, 2010: 73]. Если первоначально этикет в буквальном смысле слова означал порядок поведения и правила учтивости, необходимые при дворцовых церемониях, то позже он стал означать *порядок поведения и соблюдение норм и правил учтивости, принятых в обществе*. Синонимами этикета являются понятия «хорошие манеры», «хороший тон». Этикет в словаре по этике – ярлык, этикетка – совокупность

правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда) [Кон, 1983: 431].

Этикет изучается в разных науках, например: в философии, в этнографии, в семиотике (теория знаковых систем). Этикетные знаки с их значениями рассматриваются с точки зрения отражения объектов действительности как маркировка взаимоотношений и взаимодействий людей в обществе, иными словами, это - семантика этикетных знаков; с точки зрения сочетания этикетных знаков (вербальных и невербальных) в речевых актах, диалогах, текстах (синтактика этикетных знаков); с точки зрения говорящего, его оценки и выбора знака в конкретной ситуации, для конкретного адресата (прагматика этикетных знаков). Этикет изучается в этнографии с точки зрения быта, строения семьи, общества, ритуалов, обрядов, обычаев, поведенческих традиций и т.д., как правило, национально-специфических [Формановская, 2009:19; 2002: 5-6]. Социолингвистическое изучение этикета включает освещение как языковых, так и неязыковых средств общения для выявления социально значимых различий в коммуникативных ситуациях, установление универсальных и национально-специфических характеристик этикетного поведения, определение параметров этикетной вариативности. По мнению Н.И. Формановской, в лингвистике под этикетом поднимается «микросистема национально-специфических вербальных единиц, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения в желательной тональности соответственно правилам речевого поведения» [цит. по Карасику: 2002: 89]. Таким образом, этикет является одним из ярко выраженных феноменов культуры, который затрагивает всю гамму поведения, чувств и эмоций человека, обогащает само человеческое общение. Роль этикета в обществе всегда была очень велика, что подтверждается его длительной исторической и социальной эволюцией, функциями в обществе, многоплановой структурой, многообразными видами и формами.

Этикет – составная часть «внешней» культуры общества (культуры поведения). В него входят те её требования, которые приобретают характер строго регламентированного церемониала и в соблюдении которых имеет особое значение определённая форма поведения. Также культура поведения – совокупность форм повседневного поведения человека (в труде быту, в общении с другими людьми). Хотя этикет в конечном счете выражает содержание тех или иных принципов нравственности, уважения к человеку, в классовом обществе он, как правило, становится условным ритуалом, имеет чисто внешнюю, часто оторванную от своего нравственного содержания форму, строго канонизированный характер. Он выражается в сложной системе детально разработанных правил учтивости, чётко классифицирует правила обхождения с представителями различных классов и социальных, с должностными лицами в соответствии с

их рангом (к кому как следует обращаться, кого как должно титуловать), правила поведения в различных кругах [Кон, 1983: 431].

Современный этикет включает следующие виды: а) общегражданский этикет или присутственный этикет – это совокупность правил традиций и условностей, соблюдаемых в общении между собой частыми лицами данного общества; брачный этикет; семейный этикет; спортивный этикет; этикет путешествий; корпоративный этикет); б) военный этикет; в) дипломатический этикет, церковный этикет; г) деловой этикет. [Колтунова, 2000: 219; Холопова и Лебедева, 1994: 144].

Практическое значение этикета состоит в том, что он даёт возможность людям без особых усилий использовать уже готовые формы общепринятой вежливости для общения с различными группами людей и на различных уровнях.

На основе этикета строится культура речи, которая предлагает не только грамматическую и стилистическую правильность, но и отсутствие вульгарных слов. Элементарная вежливость, которая предполагает умение здороваться, прощаться, говорить «пожалуйста», «здравствуйте», «всего доброго»; внешний вид, одежда, умение правильно вести себя в общественных местах, в общении правильно употреблять имя человека в разных ситуациях; манера разговаривать, умение поддерживать беседу имеют также немаловажное значение при общении людей друг с другом. [Холопова и Лебедева, 1994: 143].

Этикет возник в древнейшие времена как правила упорядочения общественной жизни. Этикетные правила охватывают разрешения и запреты, организующие в целом морально-нравственные нормы: оберегай младших, заботься о жене, уважай старших, будь добрым к окружающим, имей совесть и т.д. [Формановская, 2009: 20; 2002: 6].

Изучение этикета как явления, связано с социальным статусом человека. Ниже рассмотрим этикет как поведение и этикет как норму.

а) Этикет как поведение

Этикет – динамическая характеристика человека. Поведение как таковое всегда связано с каким-либо действием и состоянием. Поведение выражается в манерах и поступках, социально значимых формах поведения. Поведение, манеры и поступки могут быть индивидуальными в определённой группе общества, а этикет индивидуальным быть не может. Этикетное поведение представляет собой супериндивидуальную характеристику субъекта, его принадлежность к определённой части общества. Существуют дихотомические характеры поведения человека «стимул – реакция». Реакция вызывает не только стимулом, но и всего в контексте ситуативного тезауруса человека как носителя культуры. Ситуативный тезаурус сформирован с определёнными типами ситуации. Такие ситуации вызывают сходную реакцию. Сходная реакция, повторяясь, становится стандартной. Нестандартное поведение базируется на элементах стандартного поведения.

Стандартное поведение реализует на разных дистанциях. Существуют типы персональной и социальной дистанции. Социальная дистанция указывает на формальные отношения, а персональная – на выражение межличностных отношений.

Назначение этикета не сводится к какой-то одной функции. Этикетное общение позволяет в силу стандартных, формальных средств переключить внимание коммуникантов на содержательную сторону межличностных отношений либо на информационный обмен. Этикет общения позволяет установить границы коммуникативной дистанции, и тем самым даёт возможность участникам общения сохранить лицо в условиях контакта представителей разных социальных групп или недостаточно знакомых людей.

Этикет складывается из формульных моделей поведения. Формульное поведение основывается на нормах интерпретации. Этикетные нормы в разных культурах могут быть диаметрально противоположны. Например: в русском обществе слушающий направляет взгляд на говорящего, когда тот говорит, и внимательно слушает своего партнёра. Такое поведение интерпретируется как вежливое поведение. В индонезийском же обществе адресат смотрит на другую сторону и никогда не смотрит в глаза собеседника, так как индонезиец думает, что это невежливое поведение.

Значимые признаки ситуаций закреплёны в словах, обозначающих социальное общение людей. Изучая естественную дескрипцию этикета в лексической семантике, раскрывают информацию о типичных проявлениях этикетного общения. [Карасик, 2002: 88-92].

б) Этикет как норма

Норма этикета базируется на универсальных и идиоэтнических ценностях. Существуют содержание, субъект и характер норм. Содержание обозначает действие, которое может, должно или не должно быть выполнено. Под субъектом понимается лицо или группа лиц, которым адресована норма. Характер норм описывается в терминах нормативных противоположностей: обязательно – необязательно, разрешено – неразрешено, например: для индонезийской семьи дети должны быть преданными родителям, заботиться о своих родителях, каждый месяц выделять деньги на нужды родителей, если у родителей хорошо обеспеченные дети (если не так богаты, то по крайней мере раз в год, накануне исламского праздника окончания поста месяца Рамадан).

Этикет представляет собой систему формальных поведенческих актов, и поскольку форма, в известной мере, автономна по отношению к содержанию, правила этикета не эквивалентны нормам морали. [Карасик, 2002: 98]. Норма морали – одна из наиболее простых форм нравственного требования; выступает в двояком виде – как элемент моральных отношений и как форма морального сознания. С одной стороны, это норма поведения, обычай, постоянно воспроизводимый в однотипных поступках множества людей как нравственный закон, обязательный для каждого человека в отдельности. Во

всяком обществе существует объективная потребность в том, чтобы в определенных, часто повторяющихся ситуациях люди поступали однотипным образом. [Кон, 1983: 219].

Этикет как норма представляет собой преломление и культурных ценностей общества в правилах тона. Выделяются поведенческие приоритеты, свойственные различным речевым коллективам. [Карасик, 2002: 106].

Можно не сомневаться, что этикет связан с ритуалом. В словаре по этике - ритуал (lat. ritus – священный обряд) – разновидность обычая или традиция; исторически сложившаяся или специально установленная норма поведения, в которой форма исполнения действий строго канонизирована, лишена (или постепенно лишилась) непосредственной общественной целесообразности и имеет лишь символическое значение. [Кон, 1983: 298]. По мнению К. Лоренца, ритуал возникает из привычки к определенным, поначалу целесообразным действиям, переходящим в обычай [Формановская, 2007: 21].

Обычай – исторически сложившаяся и распространенная в обществе или коллективе форма действий в определенных обстоятельствах. Социальная жизнь при всём её разнообразии и сложности характеризуется частой повторяемостью сходных ситуаций, которые требуют от людей однотипных поступков. Общепринятые приёмы и способы труда, повторяющиеся в рамках одного общества, формы общественно-политической деятельности, брачно-семейной жизни, взаимоотношений людей в быту, религиозные ритуалы и т.д. [Кон, 1983: 233]. Кроме ритуала и обычая, существует понятие традиции. Традиция – (lat. traditio - передача) – разновидность (или форма) обычая, отличающаяся особой устойчивостью и направленными усилиями людей сохранить неизменными унаследованные от предыдущих поколений формы поведения.

Этикет, представляющий собой систему правил ритуализированного поведения (в том числе и речевого), имеет многочисленные градации в социальной деятельности общения. Существуют относительно жёсткие и относительно свободные этикетные формулы, причём чем более официальной является ситуация общения, тем более жёсткими оказываются и этикетные требования. Параметры этикетной вариативности обусловлены многими обстоятельствами (универсальными и национально-специфическими особенностями этикетного поведения, социо-лингвистическими характеристиками условий общения, статусными различиями коммуникантов).

Речевой этикет как система и совокупность этикетных формул представляет собой гиперсемиотическое образование. Так как этикет и составляющие его элементы обладают универсальными и национально специфическими признаками, можно говорить о наличии национальных этикетных систем. Совокупность этих систем закономерно образует единое систематизированное пространство речевого этикета. Для любой этикетной системы характерно наличие формул знакомства, обращения.

Они могут быть избраны в качестве эталона для уточнения набора свойств этикетных формул как закреплённых в узусе семиотических образований. [Лунева, 2011: 8].

Для этикетной сферы характерно иконическое кодирование, в соответствии с которым социальная дистанцированность участников этикетного общения отражается с помощью большей протяжённости этикетных формул, в частности, знакомства, обращения. Единицы этикетных систем как собственно знаки обладают сильной иконичностью. Это свойство определяет прагматические характеристики этикетных формул.

В каждой стране есть выражения знакомства, обращения, приветствия, извинения. Это явления универсальные, но в то же время каждый народ сложил свою, национально специфическую систему правил речевого поведения. Речевой этикет не только система выражения – устойчивые этикетные формулы, но и специфика привычек и обычаев народа. По мнению О.Я. Гойхмана и Т.М. Надеиной к этикетным формам общения относятся речевые формулы обращения, извинения, просьбы и т.д. Цель их использования состоит в том, чтобы партнёр по общению мог правильно идентифицировать выражение через речь тех или иных чувств адресанта. Соблюдение этики в данном случае происходит в виде адеквативной речевой и/или чувственной ответной реакции.

На уровне этикетных форм осуществляется и ритуальное общение. Под ритуальным общением понимается выработанный обычай или установленный порядок совершения общения [Гойхман и Надеина, 2009: 194]. Например, русская этикетная формула при знакомстве без посредника: - *Давай (-те) познакомимся! Преп. - Будем знакомы! Алексей.* А индонезийская – *Saya Maria (Я Мария)* или *pama saya Maria (меня зовут Мария)*.

Этикетное общение, основанное на использовании стандартных формул, позволяет переключить внимание либо на смысловую сторону межличностных отношений, либо на собственно информационный обмен в процессе общения. Этикетные формулы как часть ритуализированного поведения реализуются в коммуникативных ситуациях различного типа, сохраняя в целом своё значение, не утрачивая связи с предметом или явлением ритуала. Предметы и действия, наделённые значением внутри межличностной коммуникации, сохраняют свою потенциальную знаковую и концептуальность, которая может быть актуализована в любой коммуникативной ситуации. В подобных случаях отмечается формируемая гиперсемиотичность, традиционно понимаемая в широком смысле как включение единицы плана выражения одной области (знаковой или незнаковой) в план содержания другой области (Ю.Д. Апресян). Можно предположить, что таким путём и образовывались языковые/речевые (шире – коммуникативные) единицы различной степени устойчивости.

Обращение, как специфическое этикетное контактоустанавливающее средство, представляет собой одну из самых употребительных традиционных

речевых единиц в русском и индонезийском языках. Обращение является составной частью речевого этикета и употребляется в самых разных ситуациях общения, используется людьми, имеющими самые разные социальные признаки, направлено разным адресатам. Изучение системы обращений представляет собой специфический инструмент анализа культуры носителей языка, так как используемый представителями различных этнокультур набор обращений является своеобразным отображением значимых с точки зрения этнопсихологии и культурной традиции признаков коммуникантов и ситуаций речевого общения. Наконец, и русские и индонезийские обращения несут значительную коммуникативную нагрузку, не только называя адресата, но и устанавливая и поддерживая речевой контакт с собеседником, регулируя при этом представление о ситуации общения в целом и о речевых позициях партнёров, их социальных и личных взаимоотношениях. Под обращением понимаем средство универсального характера, выработанное языком для обслуживания человеческого общения и установления связи между высказываниями и субъектами общения [Гольдин, 2008], несущее значительную коммуникативную нагрузку и выполняющее ряд речевых функций в процессе непосредственного речевого контакта. При изучении обращения как речевой единицы важную роль играет коммуникативно-прагматический аспект, посредством которого выявляются следующие особенности обращения: в зависимости от того, какая аппеллятивная номинация употребляется в роли обращения, можно определить отношения между коммуникантами; адресанту можно использовать в разных ситуациях все парадигмы форм имени для обращения к одному и тому же адресату (*Владимир Иванович, господин Иванов, Иванович, Владимир, Володя, Вова, Воля, Водик, Володюшка, Володенька*) не только как средство привлечения внимания, но и как средство воздействия на адресата. Установлено, что прагматически существенным свойством обращения является то, что говорящая личность может адекватно осуществлять выбор форм имён для обращения, соответствующих её коммуникативному намерению. [Формановская, 2002, 2008, 2009].

Таким образом при обращении к тому, к кому адресована речь, употребляются личные имена, фамилии и отчества, названия профессии, должностей, выражающие родственные и семейные отношения, а также слова, выражающие различные отношения говорящего к собеседнику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Итеральное описание-языка и системная лексикография. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. Изд. 2-е, исправ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучева. М.: Русские словарь, 1997. – 416 с.
4. Гойхман О.Р., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА, 2009. – 272 с.
5. Верещагин Е.М и Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка иностранного. 4-е изд., перераб. И доп. М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
6. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М.: АСТРЕЛЬ, 2001. – 672 с.
7. Гольдин В.Е. Этикет и речь. Изд. 3-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 120 с. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гносис», 2002. – 333 с.
8. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. М.: Экономика, 2000. – 270 с.
9. Лунёва В.В. Речевой этикет как гипосемиотическое образование: Лингвопрагматический аспект. Автореферат. Ростов-на-Дону.: 2011. – 26 с.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
11. Суперанская А.В. Имена: История и современность. – М.: Таус, 2007. – 272 с.
12. Суперанская А.В. (2009 б): Суперанская А.В. Имя – через века и страны. Изд. 3-е М.: КомКнига, 2009. – 192 с.
13. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
14. Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.
15. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. Более 7500 русских имен. История возникновения имён. Образование отчеств и фамилий. – М.: ЭКСМО, 2006. – 544 с.
16. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. Более 7500 русских имен. История возникновения имён. Образование отчеств и фамилий. – М.: ЭКСМО, 2006. – 544 с.
17. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Справочник. Происхождение. Написание. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с. – (От А до Я).
18. Суперанская А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М.: НАУКА, 1969. – 208 с.
19. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Стултанова А.Х. Теория и методика ономастических исследований. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
20. Суперанская А.В., Сулова А.В. О русских именах. – 5-е изд., перераб. – СПб.: Авалонь, Азбука, 2010. – 304 с.
21. Суперанская А.В., Сулова А.В. О русских фамилиях. – СПб.: «Авалонь», Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 288 с.

22. Формановская Н.И. (2002а): Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. – М.: Русский язык, 2002. – 160 с.
23. Формановская Н.И. (2002б): Формановская Н.И. Речевой общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
24. Формановская Н.И. (2007а): Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: ИКАР, 2007 – 480 с.
25. Формановская Н.И. (2007б): Формановская Н.И. Избранные статьи разных лет (юбилейный сборник). – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2007. – 332 с.
26. Формановская Н.И. (2007в): Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: 2007. – 240 с.
27. Формановская Н.И. Изучение русского личного имени в иностранной аудитории. – «Русский язык за рубежом», №. 1, 2006 г
28. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика – М.: ВК, 2009. – 334 с.
29. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. Изд. 4-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 160 с.

SOCIAL SCIENCES

SPECIFICS OF FAMILIES AT RISK IN THE CONTEXT OF AN INSTITUTIONAL CRISIS: A CONCEPTUAL ANALYSIS

Basina N.,

*Ph.D, Professor, head of the Department of Social work,
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

Oros I.

*student of the master's program
«Guardianship, Social and Pedagogical Support of the
Substitute Family» of the Department of Social work
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

СПЕЦИФИКА СЕМЕЙ ГРУППЫ РИСКА В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА: ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ

Басина Н.И.,

*д-р филос. наук, профессор, зав. каф. «Социальная работа»
Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Орос И.А.

*студентка магистратуры каф. «Социальная работа»
Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

DOI: [10.24412/3453-9875-2020-52-2-47-50](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2020-52-2-47-50)

Abstract

The concept of a family of a risk group is considered; the concepts of «family of a risk group» and «dysfunctional family» are compared. In a crisis the family is not able to perform its main functions effectively: the changes that occur affect the family destructively, leaving no room for adaptation to external changes. There is a social type of families at risk, or families, due to new conditions and circumstances of life, highly susceptible to negative environmental influences and destructive internal processes.

Аннотация

Рассмотрено понятие семьи группы риска; проведено сравнение понятий «семья группы риска» и «неблагополучная семья». В условиях кризиса семья не в состоянии эффективно выполнять свои основные функции: происходящие изменения действуют на семью деструктивно, не оставляя возможностей адаптации к внешним изменениям. Возникает социальный тип семей группы риска, или семей, в силу новых обстоятельств жизнедеятельности подверженных негативным средовым воздействиям и разрушительным внутренним процессам.

Keywords: risk, family of risk group, dysfunctional family, risk society, risk factors.

Ключевые слова: риск, семья группы риска, неблагополучная семья, общество риска, факторы риска.

Понятием *риска* отмечена вероятность прихода неблагоприятных событий, несущих потери для индивида либо социальной группы. Рискогенной мы называем развивающуюся ситуацию с неопределённым исходом, нежелательные последствия которой весьма вероятны.

Риски становятся неизбежными характеристиками социальной жизни в наши дни, порождая нестабильность и неуверенность социальных индивидов в возможности влиять на развитие событий. Стоявший у истоков концепта «общества риска» У. Бек полагал, что нарастанию рисков способствуют фрагментаризация бытия, мобильность, космополитизация, уничтожающая границы между сообществами (сословиями, классами, этносами и пр.); деградация социальных институтов. Углубляющийся процесс индивидуализации делает человека независимым от сложившихся социальных взаимосвязей, классового положения, гендерных и возрастных характеристик, а также от складывающихся семейных

отношений. Основной социальной единицей современного мира стал зависимый от нестабильного рынка труда индивид, созидаящий новые риски.

Многие страны и народы переживают в настоящее время кризис социального института семьи, заключающийся в состоянии аномии и углубляющейся сепарации личности от семьи. Нуклеарная малодетная семья с разделёнными поколениями оказалась не в состоянии подчинить эгоистические потребности индивидов – интересам семейной системы. Сбои и неопределённость в выполнении семьей своих наиболее значимых функций (репродуктивной и воспитательной) свидетельствуют о кризисе общественного института. Стихийно возникающие структурные изменения в подсистемах семьи (в супружеских, детско-родительских, детско-прародительских отношениях, в подсистеме домохозяйства) приобретают автономное значение. Новые модели семьи выступают либо как механизмы деструкции семьи, либо как остаточные явления деградации патриархальной семьи, которые свидетельствуют об отмирании семьи вообще и

даже о развертывающемся «кризисе фамилистической цивилизации» (А.И. Антонов).

Социальная система порождает новые факторы риска, одновременно она вырабатывает, поддерживает и совершенствует средства защиты от них. Данная задача реализуется социальными институтами посредством многих защитных механизмов и мер, в том числе, через социальную сферу, мероприятия которой направлены на создание условий достойной жизни граждан, поддержку семьи и свободное развитие индивидов. Всеобщий характер наполненной рисками среды и недостаточные объемы государственной социальной поддержки ставят индивида перед задачей формирования стратегий самосохранительного поведения, что является особенно актуальным для современной семьи.

На современную семью культурно-исторически возложены многие социальные функции, в силу этого чрезвычайно значима ее роль в поддержании общественной стабильности и развитии. Семья – это основанный на браке или кровном родстве человеческий союз, члены которого связаны общностью быта, хозяйства, совместного проживания, отношениями взаимопомощи и нравственной ответственностью. Семья осуществляет процесс биосоциального воспроизводства поколений людей, т.к. именно здесь протекает первичная социализация и воспитание ребенка до достижения им взрослости. В семье реализуется забота о нетрудоспособных членах семьи; выполняются духовно-терапевтическая, рекреативная, статусная, фелицитологическая, гедонистическая, защитная, контрольная и ряд других функций. Широко известный тезис о том, что семья – основная общественная ячейка, указывал на ее глубокую укорененность в социальной структуре, где семья выступала фундаментальной единицей общественного устройства.

Кризис семьи рассматривается специалистами как всемирная тенденция, в то же время российская семья испытывает давление внутренних факторов, усугубляющих характеристики кризиса. Любой определенности. Произошедший разрыв с традицией иллюстрирует современное представление о дисфункциональной семье, совпадающее с описанием семьи традиционалистской (среди общих характеристик – жесткость семейных ролей, закрытость, демонстрируемая бесконфликтность, недостаток доверительного общения, аргументы «к стыду» и пр.) [1, с.18]. Нестабильным является экономическое положение семьи, проблема доступа к общественным благам обостряется, делая уязвимыми многодетные, неполные, молодые семьи. Произошла ценностная трансформация фамилистических установок молодежи. Современный человек ориентирован на то, чтобы «избавиться от лишнего», приобрести мобильность, чему препятствуют дети и семья. Семья в состоянии кризиса не в состоянии эффективно выполнять свои основные функции, а из-за последовательного размывания института подрываются основы его функционирования.

Будучи системным социальным феноменом, семья меняется под воздействием социально-политических, экономических, демографических изменений в жизни общества. Быстрые изменения подчас действуют на семью деструктивно, не оставляя возможностей адаптации к внешним изменениям. Возникает социальный тип *семей группы риска*, т.е. семей, в силу различных условий и обстоятельств жизнедеятельности в высокой степени подверженных негативным средовым воздействиям и разрушительным внутренним процессам.

Основные признаки попадания семьи в группу риска многообразны. Ими становятся непрогнозируемые жизненные обстоятельства, на которые взрослые члены семьи не в состоянии правильно реагировать, поскольку обладают недостаточными социальными компетенциями, низкой степенью адаптивности к рынку труда, слабым «иммунитетом» к социальным девиациям. Пребывание в группе риска зачастую характеризуется повышенной конфликтностью взрослых членов семьи, доминированием в их психологическом профиле агрессии в противовес эмоциям доверия и заботы; либо же пассивности и неоправданной бездеятельности перед лицом трудностей, неспособности выдвигать цели по оптимизации качества жизни семьи и достигать запланированных результатов.

Согласно пояснению М. А. Галагузовой, семьи группы риска характеризуются некоторым (не самым серьезным) отклонением от норм, не позволяющим определить их как нормативные (например, «монородительская семья», «малообеспеченная семья», «замещающая семья», «бинуклеарная семья» и др.) и снижающим адаптивные способности этих семей. Семьи данного типа выполняют свои функции с большим напряжением сил. Именно данный тип семьи нуждается в наблюдении специалиста за ее состоянием, отслеживании ее динамики, анализа специфики дезадаптирующих факторов и учета их компенсации другими (позитивными) факторами. Такой тип семьи нуждается в своевременной диагностике и профессиональной поддержке [3, с.13].

Семья «группы риска» не является неблагополучной, но она не выполняет с достаточной степенью полноты свои функции, при этом подвержена отрицательному влиянию средовых факторов. Данная группа неблагоприятных факторов может сработать или не сработать. Семья, будучи пространством, где удовлетворяются наиболее важные потребности людей, связанных кровными / родственными узами, представляет собой динамическую систему, развивающуюся по организмическим законам, поэтому состояние риска может возникнуть на любом этапе развития. Так, некоторые специалисты полагают семей группы риска – любую семью в состоянии перехода (например, семью с новорожденным ребенком, семью первоклассника, семью, сменившую местожительство, и пр.).

Иначе говоря, в семье группы риска – по объективным либо субъективным причинам – социальное функционирование временно осложнено, она находится в процессном состоянии затруднения, не

имея актуальных ресурсов для преодоления и разрешения противоречия. Наличие того или другого фактора социального риска в семье не означает непременно возникновения социальных девиаций в поведении детей или взрослых, оно только указывает на большую степень их вероятности, которая возрастает по мере роста потенциальных причин социального риска.

Понятие «группа риска» появилось еще в советской социологической науке, где с его помощью выделялась категория индивидов и семей, столкнувшихся с новыми условиями и событиями, представлявшими определенную опасность для стабильности и развития. Мы встречаем различные способы категоризации факторов риска для семьи, ни один из которых не может быть оценен как исчерпывающий.

Ряд авторов отождествляют семью «группы риска» с неблагополучными и асоциальными семьями, демонстрируя, на наш взгляд, явное смешение понятий. Понятия «неблагополучная семья», «асоциальная семья», «маргинальная семья» не относятся к семьям группы риска, поскольку здесь наблюдается безусловное невыполнение семьей своих важнейших функций – в качестве уже наступившего результата. Состояние неблагополучной семьи мы определяем не как наличие рисков, а как свершившийся факт, демонстрирующий устойчивые семейные дисфункции [2, с.110]. Неблагополучная семья с несовершеннолетними детьми – это семья, где родители / законные представители несовершеннолетних детей на постоянной основе не выполняют обязанности по их содержанию, заботе, воспитанию, обучению. Среди характеристик типичной неблагополучной семьи – неспособность взрослых членов семьи к систематической заботе о жизнедеятельности семьи, демонстрация жестокости либо холодности, зависимость взрослых от алкоголя и наркотиков, их проблемы с трудоустройством, стойкое материальное неблагополучие. Причиной неисполнения родителями своих обязанностей могут выступать как деформации личности, так и состояние здоровья родителей. Признаками семейного неблагополучия являются безразличное отношение родителей к здоровью, времяпрепровождению, посещению детьми школы, ведущее к социальному сиротству несовершеннолетних; жестокое обращение с младшими членами семьи, часто результирующееся побегами детей из дома. Разумеется, неблагополучные семьи демонстрируют разную степень семейного неблагополучия.

Можно сделать вывод о том, что отождествление семей группы риска и неблагополучных семей неправомерно. Терминологически более близким понятию «семья группы риска» является понятие «проблемная семья».

Детальное представление о семье группы риска дают классификации факторов риска. Ряд авторов акцентируют внимание на средовых рисках, полагая, что существование преимущественно внешних угроз социальной, финансовой и/или физической безопасности семьи (или членов семьи),

составляет природу социальных рисков. В этом случае классификация социальных рисков представляет собой следующее: риски среды (природное и вещное окружение, которое несет угрозы жизни, здоровью; случайные обстоятельства и их стечение; личные риски, в т.ч. дефекты здоровья, воспитания, поведения). В зависимости от постоянно либо периодически действующих внешних факторов человеческие группы и индивиды попадают в ситуации риска и становятся подвержены некоей опасности. Однако исключительно внешние, средовые риски все же не составляют специфику семьи и ее жизнедеятельности и не включаются нами в содержание понятия «семья “группы риска”».

В некоторых понятийных системах социальной педагогики понятие «семья группы риска» используется в качестве общего понятия, которое конкретизируют такие частные понятия, как: условно-адаптированная семья, кризисная семья и неблагополучная семья. Мы полагаем, что из вышеперечисленных лишь условно-адаптированная семья может быть названа семейной группой риска. К условно-адаптированным относят преимущественно благополучные семьи, столкнувшиеся с незначительными трудностями. Семьи с большим числом функциональных деформаций, с острыми противоречиями членов семьи друг с другом и со средовым окружением классифицируют как кризисные.

Некоторые авторы полагают, что наличие трудных (педагогически сложных) детей является очевидным свидетельством принадлежности семьи – к группе риска (как минимум). Так, авторами выделяются: семьи, где родители индифферентны и нечувствительны к проблемам своих детей; неэмоциональные семьи, в которых не налажено искреннее общение между ее членами, иногда – при демонстрации взрослыми членами семьи показного благополучия; семьи с низкой нравственной культурой, в которой ребенок приобщается к социально неодобряемым формам поведения.

Появление «трудных детей» весьма вероятно в семьях группы риска, которые этому объективно способствуют. К первому типу семей группы риска относят семьи с недостаточностью ресурсов, к которым принадлежат неполные семьи, семьи с невысоким образовательным уровнем родителей; семьи с низким материальным уровнем жизни. Разумеется, низкоресурсная семья не является непосредственной причиной появления педагогически запущенных детей и подростков. Т.н.м. семья данного типа формирует неблагоприятный фон для социализации детей и появления поведенческих отклонений. Ко второму типу семей группы риска относят семьи с отсутствием отношений привязанности и высоким уровнем конфликтности взаимоотношений. Дети в семьях данного типа часто оказываются склонны к демонстративной оппозиционности, нетерпимости в отношении чужих мнений. К третьему типу семей группы риска относят семьи с низкой нравственной культурой, где взрослые члены

семьи проявляют лицемерие, корыстолюбие, властность и т.п., не видя в этом ничего особенного. К четвертому типу семей группы риска относят семьи педагогически некомпетентных родителей, носителей несистемных, устаревших либо просто неверных представлений о ребенке и детской психологии. Их педагогические поступки, педагогический стиль не ведут к планируемому результату, а вызывает у ребенка дискомфорт, обиду, недоверие, протест. Психологическая травматизация нередко возникает в условиях сознательного сдерживания теплых родительских чувств к ребенку, использованием резкостей, запугиваний, угроз. Психологическая травматизация может запускать неблагоприятные сценарии детского развития, становиться причиной форм отклоняющегося поведения детей и подростков в будущем.

Итак, кризисное состояние важнейшего общественного института создает «рискогенное про-

странство» семьи и ее важнейшей функции – детской социализации. Поэтому одной из важнейших задач социально-педагогической работы с семьей является снижение социальных рисков, а также минимизация их негативных последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Басина Н.И. Современное родительство: традиционные и новые практики // Педагогика и психология: теория и практика. 2019. № 3 (15). С. 17-26.
2. Кузьменко Н.И. Проблема содержания понятия «семья группы риска» // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. № 50-51. С. 107-111.
3. Курагина Г.С. К вопросу об уточнении понятий «семья группы риска», «дети группы риска» // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2019. № 18. С. 11-18.

№52/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.2

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 24 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China) and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>